

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Обращение сотрудника органов внутренних дел для разрешения служебного спора к руководителю федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченному руководителю может являться уважительной причиной для восстановления судом пропущенного срока для обращения в суд за разрешением служебного спора

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 24 ноября 2025 г. № 18-КГ25-411-К4*

(Извлечение)

Б. обратился в суд с иском к отделу территориального органа МВД России о признании незаконными и об отмене заключений по результатам служебных проверок, приказов о наложении дисциплинарных взысканий, взыскании премии и компенсации морального вреда.

Судом установлено, что приказами начальника отдела территориального органа МВД России от 9 октября 2023 г. и от 26 октября 2023 г. на Б. — сотрудника органов внутренних дел наложены дисциплинарные взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии.

8 января 2024 г. Б. подал рапорт на имя руководителя территориального органа МВД России об отмене приказов начальника отдела территориального органа МВД России о наложении дисциплинарных взысканий. Это обращение Б. было передано для рассмотрения в отдел территориального органа МВД России, и письмом Б. сообщено об отсутствии оснований для отмены обжалуемых приказов.

Данное письмо получено Б. в отделении почтовой связи 22 февраля 2024 г.

С исковым заявлением в суд первой инстанции Б. обратился 29 февраля 2024 г.

От ответчика (отдела территориального органа МВД России) в суд первой инстанции было подано ходатайство о применении последствий пропуска Б. срока обращения в суд для разрешения служебного спора, установленного ч. 4 ст. 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”.

Суд первой инстанции, сославшись на положения ч. 4 ст. 198 ГПК РФ, оставил без удовлетворения исковые требования Б. к отделу территориального органа МВД России о признании незаконными и об отмене заключений по результатам служебных проверок, приказов о наложении дисциплинарных взысканий и других исковых требований без исследования фактических обстоятельств по делу, поскольку пришел к выводу о пропуске истцом трехмесячного срока обращения в суд для разрешения служебного спора, предусмотренного ч. 4 ст. 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”.

Суд первой инстанции исходил из того, что с исковыми требованиями об оспаривании приказов начальника отдела территориального органа МВД России от 9 октября 2023 г. и от 26 октября 2023 г. Б. должен был обратиться в срок до 9 января 2024 г. и 26 января 2024 г. соответственно, однако иск им был подан только 29 февраля 2024 г., т.е. с пропуском срока обращения в суд для раз-

решения служебного спора. При этом суд первой инстанции полагал, что факт обращения Б. с рапортом к руководителю территориального органа МВД России об отмене спорных приказов не является основанием для продления указанного срока, поскольку законом не предусмотрен досудебный порядок урегулирования спора по данной категории дел.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что в настоящем деле существенные нарушения норм материального и процессуального права были допущены судами первой, апелляционной и кассационной инстанций и они выразились в следующем.

Согласно чч. 1, 3, 4, 7, 8 ст. 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ), пп. 356, 360, 362, 367, 368 Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50, сотрудник органов внутренних дел для разрешения служебного спора вправе обратиться в письменной форме к непосредственному руководителю (начальнику) в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права; рапорт сотрудника органов внутренних дел подлежит рассмотрению непосредственным руководителем (начальником) в течение одного месяца со дня его подачи; решение по служебному спору оформляется в письменном виде; его копия в течение трех дней со дня принятия вручается сотруднику органов внутренних дел и это решение может быть обжаловано сотрудником в суд в течение десяти дней со дня вручения ему копии данного решения.

В связи с этими обстоятельствами, имеющими значение для разрешения вопроса о пропуске срока обращения в суд, если от ответчика поступило заявление о пропуске такого срока истцом, являются: обращение сотрудника с рапортом к руководителю для разрешения служебного спора; принятие (непринятие) соответствующим начальником решения в письменном виде по рапорту сотрудника органов внутренних дел о разрешении служебного спора; получение (неполучение) этим сотрудником копии данного решения и обращение в суд с соответствующим иском в случае несогласия с решением начальника по служебному спору.

Аналогичные содержащимся в Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ положениям, устанавливающим сроки обращения сотрудника органов внутренних дел в суд для разреше-

ния служебного спора, положения, регламентирующие сроки обращения работника в суд за разрешением индивидуального трудового спора, содержатся в ст. 392 ТК РФ.

В абз. 3 и 5 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15 “О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям” обращено внимание судов на необходимость тщательного исследования всех обстоятельств, послуживших причиной пропуска работником установленного срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора. Эти обстоятельства и их оценка судом должны быть отражены в решении (ч. 4 ст. 198 ГПК РФ). Данные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ применимы к спорным отношениям.

Исходя из изложенных нормативных положений Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, подлежащих применению при разрешении служебных споров сотрудников органов внутренних дел, норм Трудового кодекса РФ, регулирующих сходные отношения по поводу сроков обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, и названных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, лицам, не реализовавшим свое право на обращение в суд в установленный законом срок по уважительным причинам, этот срок может быть восстановлен в судебном порядке. Перечень уважительных причин, при наличии которых пропущенный срок для обращения в суд за разрешением служебного или индивидуального трудового спора может быть восстановлен судом, законом не установлен. Применительно к настоящему делу такой причиной может являться факт обращения сотрудника органов внутренних дел для разрешения служебного спора к руководителю федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченному руководителю.

Следовательно, исходя из положений ч. 4 ст. 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, ст. 392 ТК РФ в системном взаимодействии с требованиями по оценке доказательств ст. 67 ГПК РФ, суд, оценивая, является ли то или иное обстоятельство достаточным для принятия решения о восстановлении сотруднику пропущенного срока обращения в суд за разрешением служебного спора, не должен действовать произвольно, а обязан проверять и учитывать всю совокупность обстоятельств конкретного дела, не позволивших лицу своевременно обратиться в суд за разрешением служебного спора.

Суд первой инстанции положения приведенных норм права в их взаимосвязи не применил и не принял во внимание разъяснения, данные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Делая вывод о пропуске истцом трехмесячного срока обращения в суд для разрешения служебного спора, предусмотренного ч. 4 ст. 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 г.

№ 342-ФЗ, суд первой инстанции не учел, что в соответствии с изложенными нормами права Б. для разрешения служебного спора был вправе обратиться в письменной форме к непосредственному руководителю (начальнику) в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, его рапорт подлежал рассмотрению непосредственным руководителем (начальником) в течение одного месяца со дня его подачи, а Б. в течение десяти дней со дня вручения ему копии соответствующего решения мог обжаловать его в суд. Как следствие, суд первой инстанции не установил обстоятельства, имеющие значение для разрешения вопроса о пропуске срока обращения в суд, при том, что от отдела территориального органа МВД России поступило ходатайство о применении последствий пропуска Б. срока обращения в суд для разрешения служебного спора, и не дал надлежащей правовой оценки с учетом подлежащих применению к спорным отношениям норм права тому обстоятельству, что Б., реализуя предоставленное ему ч. 3 ст. 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ право на разрешение служебного спора путем обращения в письменной форме к непосредственному руководителю (начальнику) или в суд, избрал обращение к непосредственному начальнику, в связи с чем у него возникли правомерные ожидания, что его права будут восстановлены во внесудебном порядке. Суд первой инстанции также оставил без внимания получение Б. ответа от отдела территориального органа МВД России 22 февраля 2024 г. и его обращение в суд в минимальные сроки после получения этого ответа (через 7 дней).

Кроме того, вывод суда первой инстанции противоречит правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в п. 1 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба), утвержденно Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2017 г., согласно которой при рассмотрении судом служебного спора и разрешении вопроса об уважительности причин пропуска сотрудником срока обращения в суд в качестве обстоятельства, имеющего значение для дела, следует принимать во внимание его обращение для разрешения этого служебного спора к уполномоченному руководителю.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также обратила внимание на то, что судом первой инстанции в нарушение положений ст. 152 ГПК РФ, письменное ходатайство ответчика отдела территориального органа МВД России о применении последствий пропуска Б. срока обращения в суд для разрешения служебного спора в предварительном судебном заседании не оглашалось, вопрос о пропуске Б.

срока обращения в суд для разрешения служебного спора на обсуждение сторон не ставился и не исследовался, соответственно, обстоятельства наличия или отсутствия уважительных причин пропуска Б. срока обращения в суд для разрешения служебного спора судом первой инстанции не устанавливались.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, апелляционное определение апелляционной инстанции, определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

2. Определяя размер компенсации морального вреда в меньшем размере, чем заявлено в иске, суд в судебном постановлении должен привести мотивы относительно того, какие конкретно обстоятельства дела повлияли на размер взысканной в пользу истца суммы компенсации морального вреда и какие из них послужили основанием для значительного снижения суммы компенсации морального вреда

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 26 января 2026 г. № 71-КГ25-8-КЗ*

(Извлечение)

М. обратился в суд с иском к АО “33 Судоремонтный завод” (далее — Судоремонтный завод) и Минобороны России, а также к С. о взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований истец указывал, что, осуществляя трудовую деятельность в должности старшего матроса морского танкера, принадлежащего войсковой части Минобороны России, выполнял работы по отработке спуска и подъема спасательной шлюпки танкера после проведенных Судоремонтным заводом работ по сервисному обслуживанию и ремонту судна. При подъеме спасательной шлюпки произошел обрыв металлического троса, в результате удара которым М. были причинены телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью.

Работодателем составлен акт о несчастном случае на производстве по форме Н-1, согласно которому основной причиной несчастного случая явилась неисправность подъемного устройства танкера ввиду некачественного проведения ремонта Судоремонтным заводом, а сопутствующей причиной — грубое нарушение требований нормативных документов при проведении экспертизы технической безопасности подъемного устройства.

По приговору суда С. (эксперт Судоремонтного завода) признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. “в” ч. 2 ст. 238 УК РФ (выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека).

Судебным постановлением уголовное дело в отношении Ф. — начальника отделения технического надзора Минобороны России, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ (халатность, т.е. неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека), прекращено в связи с примирением с М., Ф. выплатил потерпевшему М. 400 000 руб.

М. ссылался на положения ст.ст. 151, 1099, 1100 ГК РФ и полагал, что имеет право на компенсацию ему ответчиками морального вреда в солидарном порядке в размере 7 000 000 руб., поскольку несчастный случай на производстве, повлекший причинение ему тяжкого вреда здоровью, произошел по вине работников Судоремонтного завода и Минобороны России и выразился в физических и нравственных страданиях: в результате обрыва металлический трос ударил его по телу, и он оказался в острой психотравмирующей ситуации, которая кардинальным образом изменила его дальнейшую жизнь; с момента несчастного случая в ходе длительной госпитализации и амбулаторного лечения, а также в настоящее время он испытывает постоянную физическую боль, ему установлена III группа инвалидности пожизненно с 80% утраты профессиональной трудоспособности; в связи с потерей правой руки он навсегда лишен возможности вести прежний образ жизни, трудоустроиться по своему усмотрению, нуждается в постоянной посторонней помощи, не может создать семью, испытывает чувство беспомощности, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных последствиями увечья.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен частично, с ответчиков солидарно в пользу М. взыскана компенсация морального вреда в размере 2 000 000 руб., в удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено в части взыскания с ответчиков компенсации морального вреда в размере 2 000 000 руб. в солидарном порядке. В отмененной части принято новое решение, которым в пользу М. с Судоремонтного завода взыскана компенсация морального вреда в размере 1 500 000 руб., с Минобороны России — в размере 500 000 руб., в остальной части решение оставлено без изменения. Суд апелляционной инстанции исходил из отсутствия оснований для солидарного взыскания с ответчиков компенсации морального вреда. Определяя размер компенсации морального вреда, суд апелляционной инстанции учитывал вину каждого из ответчиков в причинении вреда М. Взыскивая компенсацию морального вреда с Минобороны России, суд апелляционной инстанции принял во внимание произведенную Ф. денежную выплату М. в размере 400 000 руб. При этом суд апелляционной инстанции отклонил доводы М. о неправомерном зани-

жении судом первой инстанции суммы компенсации морального вреда, ограничившись ссылкой на необоснованность доводов истца.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения апелляционное определение суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что судами апелляционной и кассационной инстанций были допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права при определении размера подлежащей взысканию с ответчиков в пользу М. компенсации морального вреда в связи с причинением тяжкого вреда его здоровью и они выразились в следующем.

Из положений ст.ст. 151, 1064, 1068, 1099 и 1101 ГК РФ, разъяснений, содержащихся в пп. 14, 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 “О практике применения судами норм о компенсации морального вреда”, п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 “О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина” следует, что суду при разрешении спора о компенсации морального вреда необходимо в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда, соотнести их с тяжестью причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий исходя из фактических обстоятельств дела, в частности характера и степени умаления названных прав и благ, которые подлежат оценке с учетом способа причинения вреда, поведения самого потерпевшего при причинении вреда, последствий причинения потерпевшему страданий, определяемых, помимо прочего, видом и степенью тяжести повреждения здоровья, длительностью (продолжительностью) расстройства здоровья, степенью стойкости утраты трудоспособности, необходимостью амбулаторного или стационарного лечения потерпевшего, сохранением либо утратой возможности ведения прежнего образа жизни, а также принять во внимание индивидуальные особенности личности потерпевшего, требования разумности и справедливости, соразмерности компенсации последствиям нарушения прав как основополагающие принципы, предполагающие установление судом баланса интересов сторон. При этом соответствующие мотивы о размере компенсации морального вреда должны быть приведены в судебном постановлении во избежание произвольного завышения или занижения судом суммы компенсации.

Между тем нормативным положениям, регулирующим вопросы компенсации морального вреда и определения размера такой компенсации, и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ по их применению судебные постановления суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции не отвечают.

Исходя из норм главы 39 ГПК РФ и разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции” суд апелляционной инстанции должен исправлять ошибки, допущенные судом первой инстанции при рассмотрении дела, поэтому он наделен полномочиями по повторному рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных законом для производства в суде апелляционной инстанции. При этом в случае оставления апелляционных жалобы, представления без удовлетворения суд апелляционной инстанции обязан указать мотивы, по которым доводы апелляционных жалобы, представления отклоняются.

Рассматривая апелляционную жалобу М. и указывая на необоснованность доводов апелляционной жалобы истца о существенном занижении суммы компенсации морального вреда, взысканной судом первой инстанции в его пользу, суд апелляционной инстанции ограничился лишь формальным приведением нормативных положений, регулирующих вопросы компенсации морального вреда и определения размера такой компенсации, и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по их применению и ссылкой на общие принципы определения размера компенсации морального вреда, закрепленные в названных нормативных положениях. Суд апелляционной инстанции не применил их к спорным отношениям, не выяснил тяжесть причиненных истцу физических и нравственных страданий в связи с полученной травмой, не учел индивидуальные особенности личности истца, не дал оценки его доводам, в том числе об имущественной состоятельности ответчиков и о том, что в связи с получением травмы он испытал сильные физические страдания, вынужден терпеть боль в связи с травмами позвоночника, головы, глаза, предплечья, проходит длительное лечение, которое значительных улучшений не дает, а прогнозы врачей о сохранении болевых ощущений в будущем неблагоприятные, а также об отсутствии возможности у М. биомеханического протезирования в медицинских учреждениях Российской Федерации с учетом осложненной ампутации правой верхней конечности на уровне средней трети плеча, и не принял во внимание, что наряду с физическими страданиями он испытывает чувство неполноценности, нравственные страдания от осознания невозможной потери здоровья, отсутствия возможности полноценного ухода за собой, утраты прежнего образа жизни.

Суд апелляционной инстанции при определении размера подлежащей взысканию с ответчиков в пользу М. компенсации морального вреда, по сути, уклонился от повторного рассмотрения дела в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных главой 39 ГПК РФ.

В нарушение требований п. 5 ч. 2 и ч. 3 ст. 329 ГПК РФ в судебном постановлении суда апелляционной инстанции не содержится обоснования вывода о том, почему определенная к взысканию в пользу истца сумма компенсации морального вреда, которая значительно ниже заявленной М. (7 000 000 руб.), является достаточной компенсацией причиненных истцу физических и нравственных страданий, понесенных им в связи с травмой, полученной по вине работника Судоремонтного завода С., совершившего уголовно наказуемое деяние, за которое этот работник привлечен к уголовной ответственности, и должностного лица Минобороны России Ф., уголовное дело в отношении которого прекращено в связи с примирением с потерпевшим, т.е. по нереабилитирующим основаниям. Суд апелляционной инстанции в судебном постановлении не привел мотивов, по которым им были отклонены доводы апелляционной жалобы М. о произвольном занижении судом первой инстанции взысканной в его пользу компенсации морального вреда, сославшись лишь на то, что эти доводы являются необоснованными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также указала, что вывод суда апелляционной инстанции о том, что при определении размера компенсации морального вреда, подлежащей взысканию с Минобороны России, нужно учитывать произведенную Ф. в рамках уголовного дела выплату потерпевшему М. денежной суммы в размере 400 000 руб., противоречит материалам дела, в которых не содержится документов, подтверждающих, что данная сумма была выплачена именно в качестве компенсации морального вреда.

С учетом приведенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Судебная неустойка по общему правилу не подлежит присуждению при рассмотрении дел, возникающих из административных и иных публичных отношений (глава 24 АПК РФ)

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31 октября 2025 г. № 305-ЭС25-6589

(Извлечение)

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными решений антимонопольного органа об отказе в предоставлении обществу возможности ознакомиться с материалами проверок, проведенных в отношении его, в том числе с решениями, вынесенными по их результатам, а также о присуждении судебной неустойки в размере 5000 руб. за каждый день неисполнения решения суда.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявление общества удовлетворено частично: решения антимонопольного органа признаны незаконными в части, судебная неустойка установлена в размере 100 руб. за каждый день просрочки исполнения судебного акта после его вступления в законную силу до момента фактического исполнения решения суда.

Суды, удовлетворяя требование общества о взыскании с антимонопольного органа судебной неустойки, сослались на положения ст. 308³ ГК РФ, ч. 4 ст. 174 АПК РФ и пришли к выводу, что положения указанных норм могут быть применены судом при рассмотрении любого дела независимо от предмета и характера спора.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты в части взыскания с антимонопольного органа судебной неустойки с учетом следующего.

Законодательно институт судебной неустойки был введен в Гражданский кодекс РФ Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ “О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации”, дополнившим его положения ст. 308³ “Защита прав кредитора по обязательству”, в рамках общего системного реформирования гражданского законодательства.

Согласно п. 1 ст. 308³ ГК РФ в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено данным Кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму (п. 1 ст. 330) на случай неисполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1).

Разъясняя названные положения, Пленум Верховного Суда РФ в п. 30 постановления от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств” (далее — постановление Пленума № 7) отметил, что по смыслу п. 1 ст. 308³ ГК РФ судебная неустойка может быть присуждена только на случай неисполнения гражданско-правовых обязанностей, она не может быть установлена по спорам административного характера, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства и главы 24 АПК РФ.

Развивая позицию, закрепленную в вышеназванном постановлении, Пленум Верховного Суда РФ в п. 34 постановления от 28 июня 2022 г. № 21 “О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской

Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации” (далее — постановление Пленума № 21) разъяснил, что с учетом положений п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 308³ ГК РФ арбитражный суд вправе присудить в пользу гражданина или организации денежную сумму, упомянутую в ч. 4 ст. 174 АПК РФ, если по результатам разрешения дела, рассмотренного по правилам главы 24 АПК РФ, на соответствующий орган или лицо, наделенные публичными полномочиями, возложена обязанность по восстановлению прав и законных интересов гражданина или организации. При этом денежная сумма, упомянутая в ч. 4 ст. 174 АПК РФ, не может быть присуждена по результатам рассмотрения дел об оспаривании актов ненормативного характера и решений, действий (бездействия) налоговых, таможенных, антимонопольных органов, органов государственного контроля (надзора) и органов муниципального контроля, принятых, совершенных (допущенных) в сфере публичных правоотношений (абз. 2 п. 34 постановления Пленума № 21).

Таким образом, в системе действующего правового регулирования судебная неустойка, возможность присуждения которой установлена положениями ст. 308³ ГК РФ и ч. 4 ст. 174 АПК РФ, направлена исключительно на обеспечение своевременного исполнения должником гражданско-правовых обязательств, возложенных на него на основании решения суда. В свою очередь для взыскателя данный механизм выступает дополнительной гарантией права на судебную защиту и реализацию его гражданских прав.

В случае же рассмотрения судами по правилам главы 24 АПК РФ дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, возможность присуждения судебной неустойки ограничена, поскольку предметом рассмотрения судом в упомянутых спорах является оценка действий и решений органов (должностных лиц), осуществляющих публичные полномочия.

Следовательно, у судов отсутствовали правовые основания для применения ч. 4 ст. 174 АПК РФ и удовлетворения требования общества в части взыскания с антимонопольного органа судебной неустойки.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Пункты 1, 2 постановления Правительства РФ от 28 ноября 2024 г. № 1655 “О расширении территории Сочинского национального парка” и разделы I и II утвержденных им сведений о границах территории, относимой к Сочинскому национальному парку при его расширении, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2025 г. № АКПИ25-454, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 4 декабря 2025 г. № АПЛ25-339

2. Пункты 2, 4 Правил осуществления в 2010—2025 годах компенсационных выплат гражданам Российской Федерации по вкладам в Сберегательном банке Российской Федерации, являющимся гарантированными сбережениями в соответствии с Федеральным законом “О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации”, утвержденных постановлением Правительства РФ от 25 декабря 2009 г. № 1092, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 3 декабря 2025 г. № АКПИ25-717, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 февраля 2026 г. № АПЛ26-1

3. Подпункты 2—4 п. 52 Порядка проведения конкурса на замещение вакантной должности нотариуса, утвержденного приказом Минюста России от 30 марта 2018 г. № 63, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 11 сентября 2025 г. № АКПИ25-583, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 9 декабря 2025 г. № АПЛ25-342

4. Оспариваемый частично подп. “а” п. 3 Правил ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), утвержденных постановлением Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1078, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 17 сентября 2025 г. № АКПИ25-535, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 января 2026 г. № АПЛ25-370

5. Оспариваемое частично приложение № 1 к критериям отнесения объектов государственного контроля (надзора) к категориям риска, являющимся приложением № 1 к Положению о федеральном государственном санитарно-эпидемиологическом контроле (надзоре), утвержденному постановлением Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1100 (в редакции, действовавшей до 15 октября 2025 г.), признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 19 ноября 2025 г. № АКПИ25-676, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 3 февраля 2026 г. № АПЛ25-398

6. Пункт 18 Положения о подготовке граждан Российской Федерации к военной службе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 31 декабря 1999 г. № 1441, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 1 октября 2025 г. № АКПИ25-591, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18 декабря 2025 г. № АПЛ25-355

7. Оспариваемая частично форма по КНД 1165003 постановления о взыскании задолженности за счет имущества налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента, банка, иного лица), утвержденная приказом ФНС России от 2 декабря 2022 г. № ЕД-7-8/1151@, являющаяся приложением № 13 к данному приказу, признана не противоречащей федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 декабря 2025 г. № АКПИ25-877, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 3 марта 2026 г. № АПЛ26-24

8. Пункт 217.1 Разъяснений о классификации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза отдельных видов товаров, утвержденных приказом ФТС России от 17 ноября 2021 г. № 995, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 14 октября 2025 г. № АКПИ25-713, вступившее в законную силу

9. Оспариваемый частично п. 118 Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 889, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 15 октября 2025 г. № АКПИ25-742, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 января 2026 г. № АПЛ25-369

10. Абзацы 3, 4 письма Минфина России от 9 декабря 2013 г. № 03-04-07/53635 и абз. 7, 8 (частично) письма Минфина России от 31 октября 2017 г. № 03-04-07/71600 признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 28 октября 2025 г. № АКПИ25-693, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 20 января 2026 г. № АПЛ25-386

1. Уголовная ответственность за клевету (ст. 128¹ УК РФ) наступает только в случае, если виновный заведомо осознавал ложность сообщаемых им сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, и желал их распространить

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 1-УД24-6-КЗ

(Извлечение)

По приговору мирового судьи судебного участка № 6 Октябрьского судебного района г. Архангельска от 29 июня 2023 г., оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, Д. осужден по ч. 1 ст. 128¹ УК РФ к штрафу в размере 10 000 руб.

Д. признан виновным в клевете, т.е. в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица, подрывающих его репутацию.

В кассационной жалобе осужденный Д. просил об отмене всех состоявшихся судебных решений ввиду отсутствия в его действиях признаков состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, проверив материалы уголовного дела, изучив доводы кассационной жалобы, пришла к следующим выводам.

Согласно ч. 3 ст. 14 УПК РФ все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, толкуются в пользу обвиняемого.

По настоящему делу указанные требования закона не выполнены.

Как следует из приговора, частным обвинителем М. Д. обвинялся в том, что, находясь в здании государственного бюджетного общеобразовательного учреждения (далее — учреждения) в рабочее время, испытывая неприязненные отношения к М., написал и передал директору учреждения докладную записку, в которой указал факты, не соответствующие действительности, порочащие М., его честь и достоинство, подрывающие репутацию.

Действия Д. квалифицированы по ч. 1 ст. 128¹ УК РФ.

Мировой судья сослался на исследованные в судебном заседании материалы дела и в приговоре указал, что подсудимый осознавал ложный, порочащий честь и достоинство, подрывающий репутацию М. характер распространенной информации, содержащей отрицательную оценку его личности, желал из личной неприязни причинить вред с целью дискредитации М. При этом Д. распространил порочащие сведения, а именно сообщил их директору учреждения.

Между тем согласно правовой позиции, изложенной в Определении Конституционного Суда РФ от 30 марта 2023 г. № 531-О, для квалификации такого деяния, как клевета (ч. 1 ст. 128¹ УК РФ), необходимо обязательное установление как общих признаков преступления, в том числе общественной опасности и противоправности, так и специальных признаков, включенных в состав клеветы, характеризующих его объективную и субъективную сторону.

Содержание субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128¹ УК РФ, характеризуется прямым умыслом, т.е. осознанием лицом факта распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, и желанием совершить данные действия.

Вместе с тем конкретные обстоятельства и доказательства, свидетельствующие о наличии указанных признаков в действиях Д., в приговоре не приведены.

В судебном заседании не представлено достаточных доказательств заведомой ложности распространенных Д. сведений, а также доказательств, подтверждающих, что данные сведения опорочили честь и достоинство частного обвинителя, что была подорвана его репутация.

При этом само по себе обращение Д. к директору учреждения не означает распространение указанных сведений с учетом установленных судом фактических обстоятельств.

Как следует из показаний Д., после конфликта он написал на имя руководителя учреждения докладную записку, в которой изложил свое восприятие произошедшего, имея целью разрешение конфликта мирным путем. Конфликт был подтвержден самим М., который сообщил, что именно он инициировал общение с Д. в указанный день, что привело к развитию конфликтной ситуации.

Согласно показаниям свидетеля Ш. — директора учреждения — она при конфликте лично не присутствовала, узнав о данной ситуации между работниками на рабочем месте, попыталась их примирить. Негативных последствий для М. в результате действий Д. с ее стороны не было.

Указанные обстоятельства не были приняты во внимание мировым судьей при оценке содержания Д., а также при рассмотрении уголовного дела судами апелляционной и кассационной инстанций.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор, апелляционное и кассационное постановления в отношении Д., уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления. За Д. признано право на реабилитацию в соответствии с ч. 1 ст. 134 УПК РФ.

2. Лицо, не являющееся руководителем либо сотрудником кредитной организации, но осуществляющее незаконные банковские операции, может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ (незаконная банковская деятельность)

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 октября 2024 г. № 44-УД24-15-К7

(Извлечение)

По приговору Свердловского районного суда г. Перми от 19 января 2023 г. Г., ранее не судимый, осужден по пп. “а”, “б” ч. 2 ст. 172 УК РФ к четырем годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима со штрафом в размере 500 000 руб.

По данному делу осуждены также Д., С., В., Р., Е., Ш. и Б.

Судами апелляционной и кассационной инстанций приговор в отношении Г. оставлен без изменения.

Г. признан виновным и осужден за незаконную банковскую деятельность, т.е. осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации и без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, совершенную организованной группой, сопряженную с извлечением дохода в особо крупном размере.

В кассационной жалобе адвокат Ф. оспаривал состоявшиеся судебные решения в отношении Г., считая их незаконными, необоснованными и подлежащими отмене ввиду существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального законов, повлиявших на исход дела. В частности, указывал, что в действиях Г. отсутствует состав преступления, предусмотренного пп. “а”, “б” ч. 2 ст. 172 УК РФ, так как данная норма уголовного закона распространяется только на действия лиц, обладающих признаками специального субъекта, — учредителей кредитных организаций и руководителей их исполнительных органов, к числу которых Г. не относился. Он не участвовал в функционировании платежной системы Банка России; не имел умысла на осуществление незаконной банковской деятельности и не мог получать доход от нее.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении отметила следующее.

Исходя из установленных судом фактических обстоятельств дела действия осужденного Г. квалифицированы правильно.

Доводы стороны защиты о том, что Г. не является субъектом преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, также рассмотрены судами и обоснованно отклонены.

Вопреки доводам, изложенным в кассационной жалобе, незаконная банковская деятельность может осуществляться не только юридическими лицами и их руководителями, но и иметь место при незаконном осуществлении банковских операций гражданином, что следует из ч. 9 ст. 13 Фе-

дерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І “О банках и банковской деятельности”, а также из Определения Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1743-О, в котором были отклонены доводы гражданки Никулиной Е.В., оспаривавшей конституционность ст. 172 УК РФ на том основании, что данная норма позволяет привлекать к уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность лицо, не являющееся работником кредитной организации.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в части квалификации действий осужденного Г. состоявшиеся судебные решения оставила без изменения.

3. Поскольку квалифицирующий признак “с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)” предусмотрен лишь в отношении сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, его вменение при незаконном производстве наркотиков является ошибочным

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 августа 2024 г. № 8-УДП24-17-А1

(Извлечение)

По приговору Ярославского областного суда от 22 декабря 2023 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Г. осуждена к лишению свободы по ч. 5 ст. 228¹ УК РФ на срок десять лет, по ч. 2 ст. 228³ УК РФ на срок четыре месяца, по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 228⁴ УК РФ на срок четыре года, по ч. 1 ст. 228 УК РФ на срок шесть месяцев.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок двенадцать лет в исправительной колонии общего режима.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ указывал, что судебные решения подлежат изменению, поскольку диспозиция ст. 228¹ УК РФ предусматривает квалифицирующий признак “с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)” лишь применительно к сбыту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Автор представления обращал внимание, что в предъявленном обвинении использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”, описано только в части производства наркотического средства. Он полагал, что вменение признака “с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)” при квалификации действий по ч. 5 ст. 228¹ УК РФ являлось излишним, просил исключить его из осуждения, смягчить Г. наказание, назначенное как по ч. 5 ст. 228¹ УК РФ, так и по совокупности преступлений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем определении отметила следующее.

По приговору суда Г. признана виновной и осуждена за незаконное производство группой лиц по предварительному сговору с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”) наркотического средства в особо крупном размере; незаконное хранение прекурсоров наркотических средств в особо крупном размере; незаконное производство прекурсора наркотического средства в особо крупном размере, совершенное группой лиц по предварительному сговору; незаконное хранение без цели сбыта наркотического средства в значительном размере.

Как следует из диспозиции ч. 2 ст. 228¹ УК РФ, квалифицирующий признак “с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)” предусмотрен лишь в отношении сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В связи с этим вменение указанного признака при квалификации по ч. 5 ст. 228¹ УК РФ действий Г., выразившихся в незаконном производстве группой лиц по предварительному сговору наркотического средства в особо крупном размере, является ошибочным.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор и апелляционное определение изменила, исключила из осуждения Г. по ч. 5 ст. 228¹ УК РФ квалифицирующий признак “с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)” и смягчила наказание в виде лишения свободы до девяти лет шести месяцев, а на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ — до одиннадцати лет шести месяцев в исправительной колонии общего режима.

4. Вывод суда кассационной инстанции об отсутствии умысла на незаконный сбыт наркотических средств, основанный на показаниях виновного о культивировании наркосодержащих растений и хранении наркотических средств для личного потребления, сделан без учета других исследованных по делу доказательств

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 июля 2024 г. № 49-УДП24-5-К6

(Извлечение)

По приговору Чишминского районного суда Республики Башкортостан от 16 января 2023 г. П. осужден по ч. 1 ст. 231, ч. 2 ст. 228, ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

Судом апелляционной инстанции приговор оставлен без изменения в части квалификации деяния.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 1 ноября 2023 г. приговор и апелляционное определение изменены: действия П. переqualифицированы с ч. 2 ст. 228, ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ на ч. 2 ст. 228 УК РФ.

С учетом внесенных изменений П. осужден за незаконное культивирование в крупном размере растений, содержащих наркотические средства, а также за незаконное хранение без цели сбыта наркотического средства и частей растений, содержащих наркотическое средство, в крупном размере.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ просил отменить кассационное определение, поскольку выводы суда об отсутствии у П. умысла на сбыт наркотических средств не основаны на собранных по делу доказательствах.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение в отношении П. и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение ввиду следующего.

Судом установлено, что П., являясь потребителем наркотических средств, с целью культивирования растений, содержащих наркотические средства, арендовал строительные бытовки, создал в одной из них условия для выращивания растений, вырастил 26 растений конопли. Растения были изъяты в результате оперативно-разыскного мероприятия.

Действия П. квалифицированы судом по ч. 1 ст. 231 УК РФ.

Кроме того П. с целью личного потребления незаконно хранил растения и части растений конопли в крупном размере; все хранимое было изъято при осмотре места происшествия.

Действия П. квалифицированы по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Из культивированных наркосодержащих растений П. с целью сбыта изготовил и хранил наркотическое средство каннабис (марихуану). Довести до конца умысел, направленный на сбыт этого наркотического средства, П. не смог по независящим от него обстоятельствам, поскольку был задержан сотрудниками правоохранительных органов, а наркотические средства изъяты.

Действия П. квалифицированы по ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции сочла недоказанным наличие у П. умысла на сбыт наркотических средств и привела в обоснование данного вывода показания П. о том, что он, являясь потребителем наркотических средств, культивировал наркосодержащие растения и хранил наркотические средства для личного потребления, а также сослалась на отсутствие в материалах уголовного дела сведений о причастности П. к сбыту наркотических средств.

Переqualифицировав деяние с ч. 2 ст. 228, ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ на ч. 2 ст. 228 УК РФ, суд кассационной инстанции указал на то, что действия П. как в отношении растений и частей растений конопли, так и в отношении наркотического средства каннабис составляют одно преступление — незаконное хранение без цели сбыта наркотических средств и частей растений, содержащих наркотические средства, в крупном размере.

Данный вывод суда кассационной инстанции противоречит фактическим обстоятельствам, ус-

тановленным судом первой инстанции, и разъяснениям, содержащимся в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами”, из которых усматривается, что об умысле на сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, могут свидетельствовать в том числе их значительное количество (объем), размещение в удобной для передачи расфасовке и т.п.

Судом первой инстанции на основании исследованных доказательств установлено, что П. вырастил 26 растений конопли, хранил для личного потребления около 0,5 кг ранее срезанных с них листьев и стеблей, для сбыта изготовил наркотическое средство каннабис.

Для реализации своих намерений по культивированию наркосодержащих растений и получения наркотического средства П. арендовал строительные бытовки, оснастил их системами освещения, обогрева, приобрел специальное оборудование.

Следовательно, П. намеревался продолжать деятельность по выращиванию растений в течение длительного времени и в значительном количестве.

Наркотической зависимостью П. не страдает.

Таким образом, вывод суда кассационной инстанции об отсутствии у П. умысла на сбыт наркотических средств не подтверждается совокупностью исследованных доказательств.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение¹.

5. Действия виновного, направленные на поджог релейного шкафа, выразившиеся в предоставлении емкости для бензина, инструментов для вскрытия шкафа, а также участие в обсуждении плана, наблюдение за окружающей обстановкой во время поджога, доставка других участников к месту преступления на автомобиле правильно квалифицированы как соисполнительство в диверсии, совершенной группой лиц по предварительному сговору

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 марта 2025 г. № 53-УД25-6-А5

(Извлечение)

По приговору Красноярского краевого суда от 20 июня 2024 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) Л. осужден по п. “а” ч. 2 ст. 281 УК РФ к двенадцати годам лише-

ния свободы с отбыванием первых двух лет в тюрьме, оставшихся — в исправительной колонии строгого режима.

В кассационной жалобе осужденный Л., признавая свою вину в пособничестве диверсии, просил об отмене приговора с возвращением уголовного дела на новое судебное рассмотрение и переквалификацией его действий на ч. 3 ст. 281¹ УК РФ.

Проверив материалы уголовного дела, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор и апелляционное определение оставила без изменения.

Л. осужден за диверсию путем поджога, направленного на разрушение и повреждение объекта транспортной инфраструктуры в целях подрыва экономической безопасности Российской Федерации, совершенного группой лиц по предварительному сговору.

Преступление было совершено при следующих обстоятельствах.

Неустановленное лицо, используя сеть “Интернет”, вступило в контакт с несовершеннолетним М., которому предложило совершить на территории Российской Федерации за денежное вознаграждение диверсию в отношении объектов транспортной инфраструктуры на железной дороге — релейных шкафов, проинформировав о способе совершения деяния и передав подробные инструкции по его осуществлению, а также сообщив о форме оплаты.

М. ответил согласием, после чего предложил Л. и несовершеннолетнему А. совместно совершить за денежное вознаграждение указанную диверсию, описав способ совершения данного деяния и сообщив, что часть денежных средств за его совершение будет передана Л.

Л. согласился с предложением М., вступив с ним, А. и неустановленным лицом в предварительный сговор на совместное совершение диверсии. Согласно совместно оговоренному распределению ролей Л. обеспечит их автомобилем и доставит к месту совершения преступления и обратно, предоставит необходимые средства для вскрытия и поджога релейного шкафа, М. обеспечит их бензином для поджога релейного шкафа, продолжит общение с неустановленным лицом с целью получения консультации и осуществит поджог релейного шкафа, А. окажет помощь М. во вскрытии и поджоге релейного шкафа, а также осуществит видеозапись процесса поджога.

После этого Л., М. и А. на автомобиле Л. и под его управлением приехали к железнодорожным путям, где располагался нефункционирующий релейный шкаф, после чего неустановленное лицо сообщило, что указанный шкаф не подходит для осуществления диверсии, потребовало приискать функционирующий релейный шкаф и перечислило на счет М. денежные средства в качестве предоплаты за совершение диверсии для приобретения бензина.

После этого М., А. и Л. на автомобиле под управлением последнего приехали на автозаправочную станцию, где приобрели при помощи банковской карты М. бензин.

¹ Судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции 27 августа 2024 г. оставила без изменения приговор и апелляционное определение в отношении П. в части квалификации его действий по ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

Затем они прибыли на автомобиле под управлением Л. к транспортной инфраструктуре железной дороги, где М. и А. подожгли функционирующий релейный шкаф. Л., действуя в рамках определенной ему роли, находился в автомобиле, наблюдал за окружающей обстановкой, ожидая возвращения М. и А., чтобы обеспечить их быстрый отход с места преступления.

В тот же день М. отправил видеозапись поджога релейного шкафа неустановленному лицу для получения ранее обещанных денежных средств, однако это лицо отказалось выплатить М. денежные средства, указав, что релейный шкаф не был уничтожен поджогом.

Далее Л. вместе с М. и А., реализуя совместный с ними и неустановленным лицом умысел, направленный на совершение диверсии, вновь заправил свой автомобиль при помощи банковской карты М. бензином, а также была наполнена предоставленная Л. пластиковая бутылка для последующего использования при совершении диверсии.

После этого Л., М. и А. на автомобиле под управлением Л. прибыли к релейному шкафу, где Л. предоставил необходимые средства для вскрытия и поджога релейного шкафа. М. и А. проследовали к шкафу, а Л. согласно ранее определенной ему роли при совершении диверсии остался в автомобиле с целью последующего оперативного вывоза М. и А. с места преступления.

М. и А. вскрыли дверцы релейного шкафа, М. совершил поджог. А. записывал процесс возгорания релейного шкафа на камеру мобильного телефона.

После этого А. и М. дошли до автомобиля Л. и вместе с ним скрылись с места преступления.

В результате совместных и согласованных действий Л., М., А. и неустановленного лица был поврежден и выведен из строя релейный шкаф,

чем причинен ущерб ФГУП “Г.”. Вывод из строя релейного шкафа также создал угрозу железнодорожной аварии и повреждения железнодорожных транспортных средств.

Далее М. посредством мессенджера отправил видеозапись поджога релейного шкафа неустановленному лицу в качестве отчета и получил от этого лица денежные средства, 16 000 руб. из которых перевел на счет Л. в качестве оплаты за совершенную диверсию.

Установив фактические обстоятельства содеянного Л., которые стороной защиты не оспариваются, суд первой инстанции правильно квалифицировал его действия.

Доводы стороны защиты о том, что Л. являлся не соисполнителем, а пособником преступления, тщательно проверялись судами первой и апелляционной инстанций и отвергнуты обоснованно.

При этом судами принято во внимание, что Л. не только доставлял участников преступления к месту его совершения на автомобиле и обеспечивал им возможность быстро покинуть место преступления, но выполнял и другие действия по подготовке и непосредственному совершению преступления: предоставил емкость для бензина, инструменты для вскрытия релейного шкафа, принимал участие в обсуждении плана совершения преступления и распределения ролей, наблюдал за окружающей обстановкой во время поджога шкафа.

Указанные действия являлись частью объективной стороны совершенного преступления — диверсии, были непосредственно направлены на поджог объекта транспортной инфраструктуры группой лиц по предварительному сговору и заранее обусловлены распределением ролей в преступной группе, а потому правильно квалифицированы судом по ч. 2 ст. 281 УК РФ.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 4/2026

О рассмотрении арбитражными судами споров, связанных с налогообложением имущества организаций

Список применяемых сокращений:

- 1) ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации.
- 2) ГрК РФ — Градостроительный кодекс Российской Федерации.
- 3) Закон о бухгалтерском учете — Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ “О бухгалтерском учете”.
- 4) Закон № 384-ФЗ — Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ “Технический регламент о безопасности зданий и сооружений”.
- 5) НК РФ — Налоговый кодекс Российской Федерации.
- 6) Общероссийский классификатор основных фондов, ОКОФ — Общероссийский классификатор основных фондов ОК 013-2014 (СНС 2008), введенный в действие приказом Федерального агентства по техническому регу-

лированию и метрологии от 12 декабря 2014 г. № 2018-ст.

7) ПБУ 6/01 “Учет основных средств” — Положение по бухгалтерскому учету “Учет основных средств” ПБУ 6/01, утвержденное приказом Министерства финансов Российской Федерации от 30 марта 2001 г. № 26н.

8) ФСБУ 6/2020 “Основные средства” — Федеральный стандарт бухгалтерского учета 6/2020 “Основные средства”, утвержденный приказом Министерства финансов Российской Федерации от 17 сентября 2020 г. № 204н.

9) ФСБУ 26/2020 “Капитальные вложения” — Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 26/2020 “Капитальные вложения”, утвержденный приказом Министерства финансов Российской Федерации от 17 сентября 2020 г. № 204н.

Верховным Судом РФ проведено изучение материалов судебной практики и поступивших от судов вопросов, связанных с применением положений главы 30 “Налог на имущество организаций” Налогового кодекса РФ.

Как показало обобщение, наибольшую актуальность в судебной практике имеют вопросы, связанные с отнесением принадлежащих налогоплательщикам основных средств к объекту налогообложения. В законодательство о налогах и сборах последовательно вносились изменения, направленные на исключение обязанности по уплате налога на имущество организаций в отношении той части активов налогоплательщиков, которая представлена движимым имуществом, и, соответственно, на стимулирование субъектов хозяйственной деятельности к инвестированию в средства производства¹. В настоящее время обязанность по уплате названного налога установлена только в отношении недвижимого имущества². При этом законодательством не предусмотрены критерии разграничения движимого и недвижимого имущества для целей налогообложения, в связи с чем суды испытывают сложности при рассмотрении дел данной категории.

В судебной практике сохраняется актуальность ряд иных вопросов, касающихся взимания указанного налога, например, правильность определения стоимости объектов основных средств, учитываемой при налогообложении, установление налоговых последствий совершения недействительных сделок в отношении имущества, наличие обязанности по уплате налога в случаях фактического прекращения существования объекта налогообложения.

В целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров, связанных с взиманием налога на имущество организаций, по результатам изучения и обобщения судебной практики Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

1. Технологическое оборудование, предназначенное для изготовления готовой продукции либо обслуживания производственного процесса и принятое на учет в качестве отдельных объектов основных средств, по общему правилу не облагается налогом на имущество организаций.

Общество осуществляло строительство цеха, а также приобрело ряд объектов основных средств (производственные линии), расположив их внутри здания цеха.

¹Подпункт 8 п. 4 ст. 374 НК РФ, введенный в действие Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 202-ФЗ; п. 25 ст. 381 НК РФ, введенный в действие Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 366-ФЗ (признаны утратившими силу Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 302-ФЗ).

²Пункт 1 ст. 374 НК РФ в ред. Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 302-ФЗ (с последующими изменениями).

По результатам налоговой проверки налоговый орган вынес решение о доначислении обществу налога на имущество организаций, соответствующих пени и штрафа, предусмотренного ст. 122 НК РФ.

Основанием начисления соответствующих сумм послужили выводы налогового органа о необходимости отнесения всех приобретенных объектов к недвижимому имуществу (зданию и его составным частям) и неправомерном применении обществом положений п. 25 ст. 381 НК РФ, действовавшего в охваченный проверкой период, об освобождении от налогообложения движимого имущества (в силу подп. 1 п. 1 ст. 374 НК РФ в ред. Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 302-ФЗ “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации” с 1 января 2019 г. объектом налогообложения признается только недвижимое имущество).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением, в котором просило признать решение налогового органа недействительным.

Отказывая в удовлетворении заявления общества в части оспаривания доначисления налога, пени и штрафа в отношении объектов, расположенных внутри здания, суд первой инстанции руководствовался положениями ст.ст. 130—134 ГК РФ и с учетом результатов проведенной по делу экспертизы пришел к заключению, что здание и размещенные в нем иные объекты являются единым целым, поскольку производственные линии предназначены для получения продукта в рамках единого технологического процесса, а изъятие объектов приведет к прекращению производства. Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа согласились с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты арбитражных судов по следующим основаниям.

По смыслу ст. 57 Конституции Российской Федерации в системной связи с ее ст.ст. 1 (ч. 1), 15 (чч. 2 и 3) и 19 (чч. 1 и 2) в Российской Федерации как правовом государстве законы о налогах должны содержать четкие и понятные нормы.

Формальная определенность налоговых норм предполагает их достаточную точность, чем обеспечивается их правильное понимание и применение. Поэтому в п. 6 ст. 3 НК РФ предписывает, что необходимые элементы налогообложения должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги, когда и в каком порядке он обязан платить.

Определенность налогообложения при взимании налога на имущество организаций обеспечивается за счет использования установленных в бухгалтерском учете формализованных критериев признания имущества налогопла-

тельщика (движимого или недвижимого) в качестве соответствующих объектов основных средств (п. 1 ст. 374 НК РФ).

Правила формирования в бухгалтерском учете информации об основных средствах организации установлены в ПБУ 6/01 “Учет основных средств”, в соответствии с п. 5 которого рабочие и силовые машины и оборудование выделены в отдельный вид подлежащих учету объектов основных средств, отличный от зданий и сооружений (начиная с 1 января 2022 г. требования к формированию в бухгалтерском учете информации об основных средствах организаций определяются ФСБУ 6/2020 “Основные средства”).

Основой классификации объектов основных средств в бухгалтерском учете выступает Общероссийский классификатор основных фондов.

В соответствии с названным классификатором оборудование не относится к зданиям и сооружениям, формируя самостоятельную группу основных средств, за исключением прямо предусмотренных в ОКОФ случаев, когда отдельные объекты признаются неотъемлемой частью зданий и включаются в их состав (например, коммуникации внутри зданий, необходимые для их эксплуатации; оборудование встроенных котельных установок, водо-, газо- и теплопроводные устройства, а также устройства канализации).

Оборудование для осуществления процесса производства путем выполнения тех или иных технических функций, связанных с изменением предмета труда, в том числе установленное на фундаменте, по общему правилу не классифицируется в качестве сооружений (не соответствует определению понятия “сооружение”), а подлежит классификации в соответствующих группировках машин и оборудования.

Таким образом, отсутствуют основания для отнесения к облагаемому налогом недвижимому имуществу машин и оборудования, поименованных в соответствующем разделе Общероссийского классификатора основных фондов, поскольку эти объекты основных средств (расположенные как внутри, так и вне зданий) не являются составными элементами зданий, они предназначены не для обслуживания зданий, а для изготовления готовой продукции либо обслуживания производственного процесса.

Согласно материалам дела спорные объекты (производственное оборудование, транспортеры) поставлены обществу изготовителем в составе линии для производства древесных гранул как движимое имущество и приняты к учету налогоплательщиком в таком качестве после окончания монтажа как самостоятельные инвентарные объекты основных средств.

Приобретенные обществом объекты движимого имущества, формирующие производственную линию, предназначены не для обслужи-

вания здания, а для производства готовой продукции.

Налоговым органом правомерность классификации приобретенного налогоплательщиком имущества в качестве оборудования, подлежащего учету в виде отдельных инвентарных объектов, не опровергнута. Доказательства искусственного разделения в бухгалтерском учете единого объекта основных средств не представлены, в связи с чем выводы судов о законности оспариваемого решения налогового органа не могут быть признаны правильными.

В схожем деле по результатам проверки налоговый орган пришел к выводу о том, что общество в нарушение п. 1 ст. 375 НК РФ занизило налоговую базу по налогу на имущество организаций на стоимость основных средств (оборудования), отраженных в учете на счетах 07 “Оборудование к установке” и 08 “Вложения во внеоборотные активы”, но фактически введенных в эксплуатацию и используемых в производственной деятельности общества, связанной с розливом минеральной воды.

Не согласившись с выводами налогового органа, общество оспорило принятое по итогам проверки решение в судебном порядке, однако арбитражными судами трех инстанций в удовлетворении заявления налогоплательщика отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ признала ошибочными выводы налоговой инспекции, отменила состоявшиеся по делу судебные акты и указала следующее.

Положения подп. 8 п. 4 ст. 374 и п. 25 ст. 381 НК РФ, действовавшие в спорный период, устанавливали льготу по налогу на имущество организаций — преимущество, состоящее в возможности не уплачивать налог, для плательщиков, которые осуществили (завершили) инвестиции в обновление основных средств, прежде всего — оборудования, и (или) являлись пользователями результатов инвестиций.

Согласно материалам дела общество произвело инвестиции с целью расширения завода по розливу минеральной воды, в том числе приобрело необходимое для производственной деятельности оборудование (линии розлива, установки для получения углекислого газа и смягчения воды).

Объекты основных средств, приобретенные налогоплательщиком, являлись движимым имуществом, охарактеризованы в договорах и сопроводительных документах как различное оборудование, необходимое для розлива минеральной воды, и по правилам бухгалтерского учета подлежали принятию к учету в качестве отдельных инвентарных объектов.

Факт монтажа оборудования в зданиях и помещениях (цехах), предназначенных для обеспечения производственной деятельности, сам по себе не может служить основанием для отказа в применении освобождения имущества от

налогообложения, в том числе по мотиву использования основных средств (оборудования и зданий) по общему назначению, predetermined технологии производства (розлива) минеральной воды. Иное приводило бы к дискриминационным условиям налогообложения лиц, осуществивших капитальные вложения в обновление основных средств.

2. Распространение на здание и функционально (технологически) связанное с ним оборудование правового режима неделимой или сложной вещи в соответствии с гражданским законодательством не является безусловным основанием для взимания налога на имущество организаций в отношении здания и оборудования как одного объекта налогообложения.

По результатам налоговой проверки налоговый орган пришел к выводу, что налогоплательщиком (обществом) неправомерно применялось освобождение от налогообложения в отношении распределительно-трансформаторной подстанции (энергоустановки), предназначенной для обслуживания здания гостиницы. С точки зрения инспекции, энергоустановка представляет собой часть гостиничного комплекса, являющегося объектом недвижимости, и, следовательно, подлежит налогообложению.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленное требование в части оспаривания доначисления налога на имущество организаций удовлетворено, поскольку энергоустановка относится к движимому имуществу (оборудованию), расположена отдельно от здания гостиницы и не является ее частью, не отвечает признакам недвижимого имущества.

Арбитражный суд округа отменил указанные судебные акты и отказал в удовлетворении требования общества, исходя из того, что трансформаторная подстанция хотя и расположена отдельно от здания гостиницы, но является частью недвижимого имущества, поскольку входит в состав гостинично-туристического комплекса и ее перемещение будет сопряжено с несоизмерным ущербом для функционирования гостиницы (п. 1 ст. 133 ГК РФ).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, указав следующее.

Положения Налогового кодекса РФ об исключении движимого имущества из объекта налогообложения должны толковаться и применяться таким образом, чтобы обеспечивались равные права налогоплательщиков, осуществ-

вивших инвестиции в обновление основных средств.

С учетом этого критерии, используемые в гражданском законодательстве для целей установления общего правового режима в отношении составных частей неделимой вещи и сложных вещей (п. 1 ст. 130, п. 1 ст. 133, ст. 134 ГК РФ), не позволяют однозначно решить вопрос о праве налогоплательщиков на применение освобождения от налогообложения в отношении движимого имущества (машин и оборудования), поскольку не дают возможность разграничить инвестиции в обновление производственного оборудования и создание некапитальных сооружений от инвестиций в создание (улучшение) объектов недвижимости — зданий и капитальных сооружений.

В обоих случаях приобретаемые налогоплательщиком активы до окончания монтажа не имеют прочной связи с землей, а после начала эксплуатации могут образовывать неделимую или сложную вещь с объектом недвижимости, разделение которой становится невозможным или экономически нецелесообразным.

Согласно материалам дела спорный объект основных средств (энергоустановка) состоит из трансформаторов, шкафов автоматики и защиты отводящих линий, питающих линий и подводящих внешних кабельных сетей.

Нормативные основания для вывода о том, что при приобретении и монтаже энергоустановки налогоплательщик осуществил инвестиции не в приобретение оборудования, а в улучшение объекта недвижимости — гостиничного комплекса, налоговым органом при рассмотрении дела не приведены и судами не установлены.

Энергоустановка также не может быть отнесена к коммуникациям здания гостиницы.

Формулируя противоположный вывод и ссылаясь на то, что перемещение энергоустановки будет сопряжено с несоизмерным ущербом для функционирования гостиничного комплекса, арбитражный суд округа, по сути, исходил из того, что после начала эксплуатации энергоустановки ее использование вне гостиничного комплекса становится экономически нецелесообразным. Вместе с тем применение такого критерия законодательством о налогах и сборах не предусмотрено.

3. Объединение имущества организации в один имущественный комплекс для целей совершения сделок с ним (купли-продажи, передачи в залог и т.п.) не является достаточным основанием для квалификации входящего в его состав оборудования в качестве объекта обложения налогом на имущество организаций.

По результатам проверки налоговый орган пришел к выводу о том, что объекты основных средств, задекларированные хозяйственным обществом в качестве движимого имущества (деревобрабатывающее оборудование и транс-

форматорные подстанции), входят в состав единого имущественного комплекса, реализованного обществом единым лотом на торгах, проведенных в рамках процедуры банкротства, в связи с чем данные объекты неправомерно исключены обществом из налоговой базы.

Не согласившись с результатами налоговой проверки, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением, в котором просило признать недействительным решение налогового органа о начислении недоимки, пени и штрафа.

Суд первой инстанции удовлетворил заявленные требования, приняв во внимание, что налогоплательщик не осуществлял государственную регистрацию объектов в качестве недвижимого имущества, в том числе и как единый имущественный комплекс.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, признал правильной позицию налогового органа о том, что спорные объекты основных средств фактически входят в один имущественный комплекс, поскольку именно в составе комплекса они были реализованы на торгах в рамках процедуры банкротства общества.

Арбитражный суд округа согласился с выводами апелляционного суда.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, указав следующее.

Положениями главы 30 “Налог на имущество организаций” Налогового кодекса РФ обязанность по уплате налога ограничена теми объектами, которые являются недвижимостью.

Распространение для совершения сделки правового режима имущественного комплекса на совокупность вещей, включающую в себя как движимое, так и недвижимое имущество, продиктовано целями гражданского оборота (удобство совершения одной сделки в отношении всей совокупности вещей, поддержание ценности лота при продаже имущественного комплекса на торгах и т.п.), которые не тождественны целям налогообложения, состоящим в обеспечении равного и экономически обоснованного налогообложения, соблюдении формальной определенности правил налогообложения (п. 1, 3 и 6 ст. 3 НК РФ).

Следовательно, объединение имущества налогоплательщика в имущественный комплекс для целей совершения сделок с ним (купли-продажи, передачи в залог и т.п.) не является достаточным основанием для квалификации всех входящих в такой комплекс вещей как объектов налогообложения по налогу на имущество организаций.

В данном случае в соответствии с описью имущества, составленной по итогам инвентаризации, деревообрабатывающее оборудование и трансформаторные подстанции включены обществом в раздел “Машины и оборудование” с присвоением соответствующих кодов ОКОФ.

Имущество реализовано одним лотом как лесоперерабатывающий комплекс в целях удовлетворения требований кредиторов в рамках процедуры банкротства, что само по себе не может предопределять условия налогообложения этого имущества.

При таком положении суд первой инстанции пришел к правомерному выводу о незаконности доначислений.

4. Для целей налогообложения следует проверять, относится ли оборудование к коммуникациям здания или иным объектам, обеспечивающим функционирование объекта недвижимости в соответствии с его назначением.

Основанием начисления недоимки по налогу на имущество организаций, соответствующих сумм пени и штрафа послужил вывод налогового органа о необоснованном исключении организацией из налоговой базы систем промышленных систем вентиляции и кондиционирования, которые, с точки зрения налогового органа, подлежат налогообложению в составе здания как объекта недвижимости.

При разрешении спора арбитражные суды исходили из следующего.

По смыслу п. 1 ст. 374, пп. 1 и 3 ст. 375 НК РФ для целей налогообложения в составе здания как объекта недвижимости, облагаемого налогом на имущество организаций, должны учитываться его коммуникации и иное оборудование, которые выступают неотъемлемой частью здания и делают возможным эксплуатацию здания, обеспечивают функционирование объекта недвижимости в соответствии с его назначением.

В главе 30 НК РФ не установлены критерии отнесения оборудования к составным элементам соответствующих объектов недвижимости, в том числе зданий. В связи с этим на основании п. 1 ст. 11 НК РФ понятия и термины, определяющие элементы зданий (системы и коммуникации), следует применять в том значении, в каком они используются в Законе № 384-ФЗ.

Согласно п. 6 ч. 2 ст. 2 Закона № 384-ФЗ здание включает в себя сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения, состав которых определен в пп. 20 и 21 названной части, предназначенные для выполнения соответствующих функций, в том числе для вентиляции, кондиционирования воздуха, функций обеспечения безопасности.

В пояснениях к группировке “Здания (кроме жилых)” Общероссийского классификатора основных фондов указано, что в состав зданий включены коммуникации внутри зданий, необходимые для их эксплуатации, в том числе вентиляционные устройства общесанитарного назначения.

Поскольку законодательством о налогах и сборах не предусмотрено иное, при оценке того, является ли оборудование неотъемлемой ча-

стью здания либо оно установлено в здании для целей, не связанных с обеспечением его эксплуатации, могут быть учтены различные доказательства, включая проектную документацию на строительство (реконструкцию) здания, сведения о предназначении оборудования, указанные изготовителем.

Основываясь на указанных сведениях, суды признали обоснованными требования организации в отношении промышленных вентиляционных систем, которые не относятся к вентиляционным устройствам общесанитарного назначения, а предназначены для обеспечения эксплуатации производственного оборудования и были приобретены налогоплательщиком в процессе размещения производственного оборудования в здании.

Установка этих систем не являлась необходимым условием для эксплуатации здания, они не относятся к сетям и системам инженерно-технического обеспечения здания, в связи с чем не могут быть признаны неотъемлемым элементом объекта недвижимости, подлежащего налогообложению.

В схожем деле налоговым органом по результатам проведенной проверки сделан вывод о необоснованном исключении из налоговой базы ряда объектов основных средств, которые, с точки зрения налоговой инспекции, являются коммуникациями в построенном для налогоплательщика здании гостиницы и подлежат налогообложению как часть недвижимости.

Отказывая в удовлетворении требований налогоплательщика в соответствующей части, суды исходили из того, что такие установленные в здании объекты, как лифты, система охранного освещения и тепловой пункт, относятся к коммуникациям внутри здания, поскольку они предусмотрены проектной документацией и выполняют обслуживающую функцию по отношению к зданию гостиницы, в том числе обеспечивают возможность ее безопасной эксплуатации в соответствии с требованиями пожарной безопасности. Следовательно, стоимость названных объектов согласно п. 1 ст. 374, п. 1 ст. 375 НК РФ должна учитываться при налогообложении здания.

В то же время суды пришли к выводу, что установка ряда объектов обусловлена требованиями гостиничной сети к качеству оказываемых услуг (спутниковое и интерактивное телевидение, системы музыкальной трансляции). Данные объекты не предусмотрены проектом строительства здания гостиницы и не относятся к сетям и системам инженерно-технического обеспечения здания (пп. 20 и 21 ч. 2 ст. 2 Закона № 384-ФЗ), предназначены для осуществления хозяйственной деятельности общества в здании, введенном в эксплуатацию, в связи с чем суды признали недействительным решение налоговой инспекции в названной части.

5. Сооружение подлежит обложению налогом на имущество организаций, если оно является объектом основных средств и фактически отвечает признакам недвижимости вне зависимости от регистрации прав на данное имущество в государственном реестре.

По итогам проверки налоговый орган пришел к выводу о том, что хозяйственное общество неправомерно не включило в объект налогообложения элеватор, созданный по результатам реконструкции принадлежащего обществу имущественного комплекса.

Не согласившись с выводами налогового органа, общество оспорило принятое им решение в арбитражном суде, указывая, что элеватор не поставлен на кадастровый учет и права на него не зарегистрированы в Едином государственном реестре недвижимости. Согласно уведомлению кадастрового инженера, подготовленному по результатам натурного обследования объекта, элеватор относится к движимому имуществу.

Решением суда первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа, в удовлетворении заявленных требований отказано по следующим основаниям.

Сооружения облагаются налогом на имущество организаций при условии, что они отвечают критериям объектов основных средств и являются капитальными, т.е. имеют несущие конструкции, размещаемые на земельном участке посредством проведения строительных работ (п. 1 ст. 374 НК РФ, п. 23 ч. 2 ст. 2 Закона № 384-ФЗ).

Как указали суды, элеватор представляет собой сооружение для приема, хранения и обработки зерна. Элеваторы относятся к опасным производственным объектам, проектирование и строительство указанных объектов осуществляется в том числе в соответствии с требованиями Градостроительного кодекса РФ.

Исходя из совокупности представленных доказательств, суды пришли к выводу о том, что фактически обществом на специально возведенном фундаменте на основании разработанного проекта создан комплекс сооружений, который должен рассматриваться в качестве объекта недвижимости, являющегося результатом капитального строительства (абз. 1 п. 1 ст. 130 ГК РФ, п. 10 ст. 1 ГрК РФ), и который в связи с этим подлежит налогообложению на основании п. 1 ст. 374 НК РФ.

Отклоняя доводы общества об отсутствии в Едином государственном реестре недвижимости сведений о регистрации прав на элеватор, суды исходили из следующего.

По смыслу п. 1 ст. 130 ГК РФ вещь признается недвижимостью в силу своих объективных свойств, обеспечивающих прочную связь с землей. По общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом не-

движимости, о чем указано в абз. 3 п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”.

Отказ кадастрового инженера в проведении работ (чч. 1 и 4 ст. 1, п. 2 ч. 2 ст. 29¹ Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ “О кадастровой деятельности”) не исключает обязанности суда по оценке всей совокупности доказательств, подтверждающих наличие (отсутствие) признаков объекта недвижимости, подлежащего налогообложению, в случае возникновения спора. Уведомление кадастрового инженера оценивается судом наряду с иными доказательствами.

В данном случае результаты натурного обследования объекта, проведенного кадастровым инженером, опровергнуты иными доказательствами, представленными налоговым органом в материалы дела, свидетельствующими о наличии у элеватора признаков объекта капитального строительства. В связи с этим суды пришли к выводу о недостоверности уведомления кадастрового инженера и невозможности разрешения спора только на основании высказанного кадастровым инженером мнения об отсутствии у элеватора признаков недвижимости.

В ином деле арбитражный суд не согласился с позицией налогового органа об отнесении к объекту налогообложения воздушных и кабельных линий, поскольку они не обладали признаками недвижимости, созданной в результате капитального строительства.

В соответствии с п. 10² ст. 1 ГрК РФ сооружения, которые не имеют прочной связи с землей и конструктивные характеристики которых позволяют осуществить их перемещение и (или) демонтаж и последующую сборку без несоразмерного ущерба назначению и без изменения основных характеристик строений, сооружений (в том числе киосков, навесов и других подобных строений, сооружений), признаются некапитальными сооружениями.

Такие сооружения не формируют объект налогообложения по налогу на имущество организаций, поскольку не отвечают признакам недвижимости (п. 1 ст. 11, п. 1 ст. 374 НК РФ).

Как установлено судом, воздушные линии возведены с применением деревянных и (или) железобетонных стоек без создания специальных фундаментов.

В отношении кабельных линий судом установлено, что их прокладка в земле осуществляется методом, который состоит в помещении кабеля в специальные футляры, обеспечивающие защиту от повреждения и выступающие принадлежностью (частью) соответствующей кабельной линии. Такой метод прокладки кабельной линии сохраняет возможность ее перемещения без несоразмерного ущерба назначению.

Все спорные объекты, в отношении которых налоговым органом сделан вывод о необходи-

мости их налогообложения, созданы без получения разрешения на их строительство, поскольку не являлись объектами капитального строительства.

Поскольку налогоплательщиком представлены доказательства того, что спорные объекты создавались как некапитальные сооружения (п. 10² ст. 1 ГрК РФ), суд сделал правильные выводы о том, что общество правомерно отнесло спорные объекты к объектам движимого имущества с учетом определенных для них кодов ОКОФ, а у налогового органа отсутствовали основания для квалификации указанных объектов как недвижимости, облагаемой согласно п. 1 ст. 374 НК РФ.

6. Сооружение, предназначенное для использования в производственной деятельности, признается объектом налогообложения в целом со всем оборудованием, обеспечивающим его функционирование.

По результатам проверки налоговый орган пришел к выводу о том, что общество необоснованно исключило из состава имущества, облагаемого налогом на имущество организаций, технологические трубопроводы, используемые в производственной деятельности налогоплательщика, связанной с переработкой нефтепродуктов.

По мнению инспекции, технологические трубопроводы не могут быть исключены из объекта налогообложения, поскольку их расположение на эстакадах и постаментов, являющихся объектами недвижимости, определено на стадии проектирования и строительства предприятия, закреплено в паспортах трубопроводов.

Допущенное нарушение послужило основанием для принятия инспекцией решения, которым обществу начислена недоимка по налогу, соответствующие суммы пени и штрафа, предусмотренного ст. 122 НК РФ.

Арбитражные суды трех инстанций, признавая законным решение инспекции и отклоняя доводы налогоплательщика о необходимости квалификации спорных объектов в качестве движимого имущества, не подлежащего налогообложению, указали следующее.

Исходя из положений п. 23 ч. 2 ст. 2 Закона № 384-ФЗ к сооружениям относятся результаты строительства, представляющие собой линейные строительные системы, имеющие наземную, надземную и (или) подземную части, состоящие из несущих, а в отдельных случаях и ограждающих строительных конструкций.

В пояснениях к группировке “Сооружения” Общероссийского классификатора основных фондов отмечено, что объектом, выступающим как сооружение, является каждое отдельное сооружение со всеми устройствами, составляющими с ним единое целое. В частности, эстакада включает фундамент, опоры, пролетные строения, настил, пути по эстакаде, ограждения.

В связи с указанным, если сооружение становится таковым исключительно в совокупности с оборудованием и иными устройствами, непосредственным образом обеспечивающими его функционирование, объектом налогообложения должно признаваться все сооружение в целом, а не только его несущие или ограждающие конструкции.

Из материалов дела следовало, что технологические трубопроводы предназначены для связи сооружений предприятия между собой внутри площадки комплекса, а именно для обеспечения комплекса сырьем и энергоресурсами (воздухом, азотом, водой, паром, топливом, электроэнергией и т.д.).

Принадлежащие налогоплательщику трубопроводы проектировались и возводились в составе объектов капитального строительства в соответствии с разрешительной и проектной документацией, которой предусматривалось создание постаментов и эстакад технологических трубопроводов — многоярусных сооружений на монолитных железобетонных основаниях (фундаментах) с оборудованием, предназначенным для обеспечения передачи сырья и энергоресурсов.

Поскольку технологические трубопроводы являются сооружениями, созданными в результате строительства, имеют прочную связь с землей посредством специально возведенных фундаментов — эстакад (опор и постаментов), то на основании п. 1 ст. 374 НК РФ данные объекты подлежат налогообложению со всеми установленными на них устройствами, включая оборудование, необходимое для выполнения трубопроводом своих функций.

В другом деле налоговый орган по результатам проведенной проверки пришел к выводу о необоснованном исключении обществом из налоговой базы основных средств, представляющих собой волоконно-оптические линии связи, поскольку указанные объекты являются объектами недвижимости — линейно-кабельными сооружениями связи.

Не согласившись с доначислениями, произведенными по итогам налоговой проверки, общество оспорило решение инспекции в арбитражном суде.

Решением суда заявленные требования удовлетворены.

В пояснениях к группировке “Сооружения” Общероссийского классификатора основных фондов указано, что оборудование, установленное на сооружении, не входит в состав сооружения и классифицируется в соответствующих группировках машин и оборудования (например, оборудование связи (антенны, электрическое оборудование), установленное на вышках сотовой связи).

Следовательно, если оборудование имеет самостоятельное предназначение, то сам по себе способ установки (монтажа) оборудования вме-

сте с сооружением не означает, что они образуют один объект налогообложения.

При рассмотрении дела судами установлено, что основные средства налогоплательщика образованы из движимого имущества — оптического кабеля и оконечных аппаратов (передающих и приемных). Для подвеса кабеля и оборудования используются элементы линий энергопередач и трансформаторных подстанций, которые приспособлены для размещения волоконно-оптических линий связи.

Таким образом, способ установки кабеля и его размещения на воздушных линиях электропередач и в трансформаторных подстанциях не предполагает возникновения какой-либо неразрывной связи между ними.

С учетом того, что какие-либо объекты недвижимости при прокладке волоконно-оптических линий связи налогоплательщиком не создавались и волоконно-оптическое коммуникационное оборудование не предназначалось для обеспечения функционирования сооружений, на которых эти линии размещены, у налогового органа отсутствовали предусмотренные п. 1 ст. 374 НК РФ основания для вывода о необходимости налогообложения спорных объектов.

7. Формирование объекта основных средств, подлежащего налогообложению, определяется юридически значимыми свойствами имущества и не может зависеть от усмотрения налогоплательщика.

По результатам налоговой проверки инспекция пришла к выводу о необоснованном учете налогоплательщиком палубных кранов в виде отдельных инвентарных объектов основных средств (движимого имущества), не подлежащих налогообложению.

С точки зрения инспекции, затраты на приобретение кранов должны быть включены в первоначальную стоимость самоподъемной плавучей буровой установки, на которой эти краны установлены и которая относится согласно абз. 2 п. 1 ст. 130 ГК РФ к объектам недвижимости и, следовательно, подлежит налогообложению.

Соглашаясь с выводами инспекции и отказывая в удовлетворении заявления налогоплательщика, суды указали следующее.

На основании п. 1 ст. 374 НК РФ к объектам налогообложения для российских организаций относится имущество, учитываемое на балансе в качестве объектов основных средств в порядке, установленном для ведения бухгалтерского учета.

Действующим порядком ведения бухгалтерского учета (п. 10 ФСБУ 6/2020 “Основные средства”) предусмотрено, что единицей учета основных средств является инвентарный объект.

Инвентарным объектом основных средств признается объект со всеми приспособлениями и принадлежностями или отдельный конструк-

тивно обособленный предмет, предназначенный для выполнения определенных самостоятельных функций, или же обособленный комплекс конструктивно сочлененных предметов, представляющих собой единое целое, предназначенный для выполнения определенной работы.

Комплекс конструктивно сочлененных предметов — это один или несколько предметов одного или разного назначения, имеющих общие приспособления и принадлежности, общее управление, смонтированных на одном фундаменте, в результате чего каждый входящий в комплекс предмет может выполнять свои функции только в составе комплекса, а не самостоятельно.

Следовательно, формирование инвентарного объекта как единицы бухгалтерского учета, подлежащей налогообложению, не может определяться усмотрением налогоплательщика. Инвентарный объект должен представлять собой единицу учета основных средств, которая обладает самостоятельными эксплуатационными возможностями.

Из материалов дела следовало, что закупленное налогоплательщиком оборудование является кранами специального назначения, которые предназначены для эксплуатации на буровых платформах.

Краны приобретены для модернизации принадлежащей обществу самоподъемной плавучей буровой установки (замены ранее установленных кранов). Технической возможности самостоятельного функционирования кранов вне буровой установки не имеется. В отсутствие спорного оборудования также невозможна эксплуатация буровой установки.

Поскольку краны подлежали учету в составе плавучей буровой установки как ее части, налоговый орган пришел к обоснованному выводу о наличии оснований, предусмотренных п. 1 ст. 374, п. 1 ст. 375 НК РФ, для включения стоимости кранов в налоговую базу по налогу на имущество организаций.

8. Оборудование, входящее в состав обособленного имущественного комплекса, исключается из налогооблагаемой базы по налогу на имущество организаций, если правила бухгалтерского учета допускают возможность принятия такого оборудования в качестве отдельного инвентарного объекта, а налоговый орган не опроверг правильность его включения в соответствующую амортизационную группу.

По результатам проверки налоговой инспекцией приняты решения о доначислении обществу за соответствующие отчетные периоды недоимки по налогу на имущество организаций в связи с необоснованным исключением из объекта налогообложения основных средств, поставленных на учет после окончания капитального строительства — возведения парогазового

энергоблока на площадке гидроэлектростанции (ГЭС).

Имущество, входящее в состав энергоблока, принято налогоплательщиком к бухгалтерскому учету в качестве самостоятельных объектов основных средств. Однако ряд объектов (компрессоры, котлы, баки и др.) квалифицирован инспекцией как один объект (обособленный комплекс конструктивно сочлененных предметов) и отнесен к недвижимому комплексу ГЭС.

Считая решения налогового органа незаконными, общество обратилось в арбитражный суд с требованием о признании их недействительными.

Рассматривая спор, арбитражные суды трех инстанций пришли к выводу о том, что спорные объекты основных средств подлежат налогообложению, поскольку оборудование, входящее в состав энергоблока ГЭС, является конструктивно, технологически взаимосвязанным.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты арбитражных судов по следующим основаниям.

С учетом отсылки к правилам бухгалтерского учета, содержащейся в п. 1 ст. 374 НК РФ, для целей определения объекта налогообложения должно приниматься во внимание, каким образом определяется единица бухгалтерского учета основных средств в соответствии с действующим порядком учета.

Допуская объединение нескольких объектов основных средств в один инвентарный объект (комплекс конструктивно сочлененных предметов), правила бухгалтерского учета в то же время устанавливают, что в случае наличия у одного объекта нескольких частей каждая такая часть учитывается как самостоятельный инвентарный объект при существенном отличии стоимости и сроков полезного использования частей от стоимости и срока полезного использования объекта в целом (п. 10 ФСБУ 6/2020 “Основные средства”).

Таким образом, объекты, не подлежащие учету в составе комплекса конструктивно сочлененных предметов (требующие периодического обновления в силу существенно меньшего срока предполагаемой эксплуатации в сравнении со сроком полезного использования всего сооружения и (или) не вносящие существенного вклада в стоимость соответствующего комплекса), не облагаются налогом на имущество организаций.

При рассмотрении спора общество приводило доводы о том, что машины и оборудование, принятые к бухгалтерскому учету в качестве отдельных инвентарных объектов основных средств, предназначены для осуществления производства — выработки электрической и тепловой энергии, а не для обслуживания зданий и сооружений.

Признанные единым имуществом инвентарные объекты основных средств имеют разные

сроки полезного использования, оборудование распределено по разным амортизационным группам.

Налоговый орган не доказал наличие оснований для учета спорных объектов в составе зданий и сооружений, в том числе в оспариваемых решениях не привел выводов о неправильной классификации налогоплательщиком какого-либо из спорных объектов в качестве машин и оборудования по соответствующим кодам ОКОФ, не представил доказательства того, что сроки полезного использования спорных объектов сопоставимы со сроками полезного использования соответствующих сооружений.

Поскольку общество подтвердило правомерность учета спорных объектов как самостоятельных инвентарных объектов основных средств в составе машин и оборудования, а налоговый орган не опроверг правильность учета объекта, вывод судов о законности оспариваемых решений инспекции не может быть признан обоснованным.

В схожем деле налоговый орган пришел к выводу о занижении хозяйственным обществом налоговой базы по налогу на имущество организаций в отношении различного оборудования (водогрейные котлы, насосы, электроагрегаты, распределительные устройства и т.п.), приобретенного налогоплательщиком в рамках реализации инвестиционного проекта по созданию энергоцентра “мини-ТЭС”.

Арбитражные суды трех инстанций поддержали выводы налогового органа и отказали в удовлетворении требования общества об оспаривании доначислений, произведенных по итогам налоговой проверки, поскольку исходили из необходимости отнесения всего оборудования энергоцентра к недвижимому имуществу.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ признала выводы судов ошибочными и указала следующее.

В обоснование довода о том, что спорные объекты подлежат обложению налогом на имущество организаций, налоговый орган сослался на заключение эксперта, подготовленное в порядке ст. 95 НК РФ, согласно которому между всеми составными частями энергоцентра и входящими в него вещами имеются технологические, технические, функциональные взаимосвязи. Однако сделанные в данном заключении выводы могли иметь значение для гражданско-правового спора, но не согласуются с нормативным регулированием в сфере налогообложения.

Из установленных судами обстоятельств не следует, что спорные объекты основных средств предназначены для обслуживания здания энергоцентра. Напротив, по доводам общества все спорные объекты предназначены для производства электро- и теплоэнергии и холода, т.е. относятся к производственному оборудованию, а

здание энергоцентра предназначено для обеспечения процесса производства энергии.

Налоговый орган не опроверг доводы общества о правомерности учета спорных объектов в качестве самостоятельных инвентарных объектов в составе машин и оборудования согласно правилам бухгалтерского учета (п. 10 ФСБУ 6/2020 “Основные средства”), не представил доказательства того, что сроки полезного использования спорных объектов сопоставимы со сроками полезного использования котельной.

При таких обстоятельствах выводы судов о законности произведенных налоговым органом доначислений сделаны без учета всей совокупности юридически значимых обстоятельств, подлежащих проверке.

9. Подземные горные выработки, созданные в результате ведения горных работ и используемые в производственной деятельности горнодобывающего предприятия, по общему правилу формируют объект налогообложения.

По результатам налоговой проверки налоговый орган пришел к выводу о допущенном налогоплательщиком занижении налоговой базы по налогу на имущество организаций на стоимость объектов основных средств — сооружений шахты, используемых в основной деятельности общества по добыче полезных ископаемых.

Отказывая в удовлетворении требования налогоплательщика, суды признали обоснованной позицию налогового органа, исходя из следующего.

Сооружения для горнодобывающей, добывающей и обрабатывающей промышленности в соответствии с Общероссийским классификатором основных фондов являются основными фондами и, следовательно, подлежат налогообложению согласно п. 1 ст. 374 НК РФ, если относятся к недвижимости.

Горные выработки по общему правилу являются сооружениями, предназначенными для выполнения основных и вспомогательных функций горного предприятия, таких как транспортирование, в том числе подъем полезного ископаемого на поверхность, транспортирование людей, оборудования, вентиляция и т.д.

Подземная горная выработка, обслуживающая шахту в течение всего срока работы горного предприятия или значительной части этого срока, предназначенная для вскрытия или подготовки месторождения или его части, проводимая за счет капитальных вложений и числящаяся на балансе основных фондов предприятия, признается капитальной выработкой¹.

¹ГОСТ Р 57719-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Горное дело. Выработки горные. Термины и определения (утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 26 сентября 2017 г. № 1247-ст).

В связи с этим по общему правилу горная выработка подлежит налогообложению на основании п. 1 ст. 374 НК РФ, если она представляет собой искусственное сооружение в недрах, созданное в результате ведения горных работ и предназначенное для обеспечения постоянного функционирования шахты в течение срока ее предполагаемой эксплуатации.

В отношении горных выработок не применимо исключение из объекта налогообложения, предусмотренное подп. 1 п. 4 ст. 374 НК РФ, поскольку освобождаются от обложения налогом на имущество организаций не любые природные ресурсы, а лишь те, которые могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления.

Сооружения (инженерно-строительные объекты), используемые в производственной деятельности горнодобывающего предприятия с целью выполнения тех или иных технических функций, не могут быть квалифицированы в качестве объектов природопользования для целей налогообложения, поскольку относятся к антропогенным объектам, а не к природным ресурсам, свободным от налогообложения.

Из материалов дела следовало, что налогоплательщиком при ведении горных работ созданы сооружения, необходимые для эксплуатации шахты и обеспечивающие добычу угля, в связи с чем суд пришел к выводу о том, что такие сооружения подлежат налогообложению, и отказал в удовлетворении требования об оспаривании доначислений, произведенных налоговым органом по результатам проверки.

В другом деле суды не согласились с доводами налогового органа о необходимости отнесения горных выработок к объектам основных средств, не усмотрев капитального характера в произведенных налогоплательщиком работах.

Изучив проект строительства шахты и иные доказательства, суды установили, что налогоплательщиком не создавались капитальные горные выработки. Спорные объекты (монорельсовые дороги, насосные агрегаты, крепи линейного типа и т.п.) предназначены для непродолжительного использования.

Перевод горно-подготовительных выработок в состав капитальных возможен с обязательной разработкой проекта, что должно сопровождаться внесением изменений в проект строительства шахты или технологический проект. Однако таких обстоятельств (внесение изменений в проект) налоговым органом не установлено.

С учетом указанных обстоятельств у налогового органа отсутствовали основания для доначисления налога в отношении стоимости горно-подготовительных работ, проведенных недروльпользователем.

10. Объекты внешнего благоустройства территории и иные неотделимые улучшения земельного участка (замошение, покрытие) по общему правилу налогом на имущество организаций не облагаются.

По результатам выездной налоговой проверки налоговым органом принято решение о привлечении хозяйственного общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым обществу к уплате в бюджет доначислен налог на имущество организаций, пени и штраф, предусмотренный п. 1 ст. 122 НК РФ.

Основанием для доначисления соответствующих сумм послужил вывод инспекции о том, что обществом в нарушение п. 1 ст. 374 НК РФ в объект налогообложения не включены основные средства — площадки для размещения сооружений, обеспечивающих добычу природных ископаемых.

Решением суда первой инстанции, с выводами которого согласились суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа, обществу отказано в признании недействительным решения налогового органа, поскольку спорные площадки выполняют вспомогательную функцию для размещенных на месторождении сооружений и, следовательно, подлежат обложению налогом на имущество организаций.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты арбитражных судов по следующим основаниям.

В силу подп. 1 п. 4 ст. 374 НК РФ земельные участки не признаются объектом налогообложения по налогу на имущество организаций.

По смыслу закона улучшение земельного участка, состоящее в приспособлении его для удовлетворения нужд лиц, пользующихся участком, признается неотъемлемой частью этого земельного участка. Возникновение самостоятельного объекта может иметь место, если выполненные работы привели к появлению на земельном участке объекта недвижимого имущества, отличного от собственно самого участка.

Улучшения земельного участка, необходимые для использования этого участка по назначению, по общему правилу не подлежат обложению налогом на имущество организаций, поскольку не формируют самостоятельного объекта гражданских прав, отличного от земельного участка, и в соответствии с правилами бухгалтерского учета их стоимость не включается в стоимость возводимых на земельном участке сооружений капитального характера.

Согласно материалам дела кустовая площадка представляет собой ограниченную территорию месторождения, на которой подготовлена специальная площадка для размещения группы скважин, нефтегазодобывающего оборудования, служебных и бытовых помещений и т.п.

Созданное покрытие кустовых площадок обеспечивает ровную и твердую поверхность

для расположенных на ней объектов нефтепромысла, но не обладает самостоятельными полезными свойствами, а лишь улучшает полезные свойства земельного участка, на котором оно находится.

По окончании аренды земельных участков общество будет обязано провести работы по рекультивации нарушенных земель, в рамках осуществления которых все находящиеся на участках сооружения должны быть демонтированы, а земельные участки покрыты слоем почвы, пригодным для роста деревьев, вырубленных при разработке месторождения.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что обществом понесены затраты в целях улучшения качественного состояния земельных участков, не образующих в силу подп. 1 п. 4 ст. 374 НК РФ объект налогообложения по налогу на имущество организаций, в связи с чем выводы судов о правомерности решения налогового органа не могут быть признаны правильными.

В схожем деле суды не согласились с позицией налогового органа о необходимости уплаты налога на имущество организаций в отношении асфальтовых площадок, созданных налогоплательщиком на своей территории и используемых для размещения транспортных средств, и указали следующее.

В соответствии с законодательством неотделимые улучшения земельного участка (замоещение, покрытие и др.) не признаются объектами капитального строительства и, следовательно, по общему правилу не формируют объект налогообложения по налогу на имущество организаций (п. 1 ст. 11, п. 1 ст. 374 НК РФ, п. 10 ст. 1 ГрК РФ).

Покрытие асфальтом земельного участка, по сути, представляет собой способ его благоустройства, позволяющий использовать земельный участок для целей размещения на нем транспортных средств, и, таким образом, не приводит к возникновению иного (отдельного) объекта налогообложения.

С учетом того, что недвижимость в виде земельных участков исключена из объекта налогообложения по налогу на имущество организаций (подп. 1 п. 4 ст. 374 НК РФ), у налогового органа отсутствовали основания для доначисления указанного налога.

11. Налоговый орган вправе определить налоговую базу исходя из документально подтвержденных сведений о рыночной стоимости имущества, если установит, что оно приобретено налогоплательщиком у взаимозависимого лица по цене, существенно отличающейся от рыночной стоимости, и (или) отраженная в бухгалтерском учете стоимость полученного имущества является заведомо недостоверной.

По результатам налоговой проверки инспекция пришла к выводу о занижении хозяйственным обществом налоговой базы в отношении

здания, приобретенного обществом у взаимозависимого с ним лица, поскольку договорная цена объекта недвижимости существенно занижена относительно его рыночной стоимости.

Не согласившись с решением налогового органа, общество оспорило его в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции, с выводами которого согласились суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа, в удовлетворении требований общества отказано в силу следующего.

По общему правилу налоговая база при исчислении налога на имущество организаций определяется как среднегодовая стоимость имущества, признаваемого объектом налогообложения (п. 1 ст. 375 НК РФ), и такое имущество учитывается по его остаточной стоимости, сформированной в соответствии с установленным порядком ведения бухгалтерского учета, утвержденным в учетной политике организации (п. 3 ст. 375 НК РФ).

Действующим порядком ведения бухгалтерского учета предусмотрено, что в случае приобретения основных средств за плату их оценка в бухгалтерском учете производится, исходя из суммы, уплачиваемой в соответствии с договором продавцу (пп. 7 и 8 ПБУ 6/01 “Учет основных средств”, п. 12 ФСБУ 6/2020 “Основные средства”, п. 9 и подп. “а” п. 10 ФСБУ 26/2020 “Капитальные вложения”).

Таким образом, для целей исчисления налога в отношении имущества, как правило, принимается во внимание договорная цена имущества, по которой оно было приобретено налогоплательщиком, за исключением объектов недвижимости, в отношении которых согласно ст. 378² НК РФ налоговая база определяется по кадастровой стоимости.

В то же время законодательство о налогах и сборах исходит из недопустимости искажения сведений об объектах налогообложения и уменьшения налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога в результате такого искажения (п. 1 ст. 54¹ НК РФ).

Об искажении сведений об объекте налогообложения по налогу на имущество организаций может свидетельствовать многократное занижение стоимости имущества относительно рыночного уровня при совершении сделки между взаимозависимыми лицами, поскольку в отношениях таких лиц согласно п. 1 ст. 105¹ НК РФ признается наличие риска манипулирования ценой сделки.

Следовательно, если имущество приобретено налогоплательщиком у взаимозависимого лица по цене, существенно отличающейся, в том числе многократно, от рыночной, налоговый орган вправе сделать вывод о несоответствии отраженной в учете операции ее действительному экономическому смыслу и на основании п. 1 ст. 54¹ НК РФ определить налоговую

базу, исходя из документально подтвержденных сведений о рыночной стоимости имущества.

Данная правовая позиция согласуется с разъяснениями, содержащимися в п. 3 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела VI и ст. 269 Налогового кодекса Российской Федерации, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г., которые применимы также в отношении налога на имущество организаций.

Из материалов дела следовало, что налогоплательщиком приобретено здание на основании соглашения, заключенного с его дочерним обществом, которое, согласно подп. 1 п. 2 ст. 105¹ НК РФ, признается взаимозависимым лицом.

Здание принято к учету налогоплательщиком по цене 2,8 млн руб., указанной в соглашении, и с такой стоимостью учтено при расчете налоговой базы по налогу на имущество организаций. По результатам экспертизы, проведенной в ходе налоговой проверки, установлено, что рыночная стоимость здания на дату его приобретения составляла 42 млн руб.

Принимая во внимание, что договорная цена объекта недвижимости многократно занижена относительно уровня цен, по которым сделка в отношении этого имущества могла быть заключена между обычными участниками оборота, суды согласились с доводами налогового органа о допущенном налогоплательщиком искажении стоимости объекта налогообложения при принятии здания к учету.

Суды отклонили доводы общества о том, что в данном случае фактически имело место перераспределение имущества между основным и дочерним обществами (корпоративные отношения, состоящие в возврате капитала, оформлены гражданско-правовым договором), поскольку вопреки позиции общества стоимость имущества, отраженная в бухгалтерском учете, должна быть достоверной и в случаях, когда передача имущества имеет корпоративные основания (п. 1 ст. 13 Закона о бухгалтерском учете).

В связи с этим налоговый орган в соответствии с п. 1 ст. 54¹ НК РФ был вправе произвести соответствующую корректировку налоговой базы вне зависимости от основания приобретения имущества.

В другом деле налоговый орган доначислил налог хозяйственному обществу, установив, что подлежащее налогообложению имущество (объект основных средств) внесено в его уставный капитал участником общества, но согласованная участниками оценка стоимости имущества, исходя из которой оно принято к учету (418 млн руб.), существенно занижена относительно действительной (рыночной) стоимости (642 млн руб.).

Оспаривая решение налогового органа в арбитражном суде, общество указывало, что законодательство исключает возможность завыше-

ния стоимости имущества, полученного от участника, но не содержит запрета на установление стоимости имущества в меньшем размере, чем определено независимым оценщиком.

Решением суда, с выводами которого согласились суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа, в удовлетворении требования общества о признании недействительным решения налогового органа отказано по следующим основаниям.

По смыслу п. 1 ст. 375 НК РФ и п. 1 ст. 13 Закона о бухгалтерском учете исчисление налоговой базы по налогу на имущество организаций должно производиться на основании достоверных сведений о стоимости объектов основных средств.

Для случаев внесения неденежного вклада в уставный капитал хозяйственного общества законодательством предусмотрено проведение денежной оценки такого вклада независимым оценщиком, которая утверждается решением общего собрания участников общества, принимаемым всеми участниками общества единогласно (п. 2 ст. 66² ГК РФ, п. 2 ст. 15 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью”).

Действующим порядком ведения бухгалтерского учета предусмотрено, что первоначальной стоимостью основных средств, внесенных в счет вклада в уставный (складочный) капитал организации, признается их денежная оценка, согласованная учредителями (участниками) организации, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации (п. 12 Положения по бухгалтерскому учету 19/02 “Учет финансовых вложений”, утвержденного приказом Минфина России от 10 декабря 2002 г. № 126н).

Таким образом, законодательство не допускает возможность неравной оценки экономически равных вкладов участников хозяйственного общества, в связи с чем внесенное в уставный капитал имущество должно облагаться налогом исходя из его рыночной стоимости, установленной независимым оценщиком.

Принимая во внимание, что имущество отражено в учете общества по заведомо заниженной стоимости, суды пришли к выводу о том, что у налогового органа имелись основания для доначисления налога.

12. Проценты по долговым обязательствам включаются в налоговую базу при исчислении налога на имущество организаций в той части, в какой заемные средства использовались налогоплательщиком на приобретение (создание) объектов основных средств, подлежащих налогообложению.

По результатам налоговой проверки инспекцией установлено, что хозяйственным обществом ведется деятельность по разработке месторождения, включая строительство горно-обогатительного комбината, основным источником финансирования которой выступали получен-

ные от участников общества займы. Налоговый орган пришел к выводу о том, что налогоплательщик необоснованно не включил в первоначальную стоимость построенных объектов проценты, начисленные в период строительства по долговым обязательствам, что привело к неполной уплате налога на имущество организаций.

Не согласившись с решением инспекции о доначислении налога, общество оспорило его в арбитражном суде.

Решением суда заявленные обществом требования удовлетворены частично по следующим основаниям.

Исходя из пп. 1 и 3 ст. 375 НК РФ при расчете налога на имущество первоначальная стоимость основных средств формируется по установленным правилам бухгалтерского учета.

Исходя из пп. 7 и 8 Положения по бухгалтерскому учету “Учет расходов по займам и кредитам” (ПБУ 15/2008), утвержденного приказом Минфина России от 6 октября 2008 г. № 107н, проценты, причитающиеся к оплате заимодавцу (кредитору), подлежат включению в стоимость инвестиционного актива, если они непосредственно связаны с приобретением, сооружением и (или) изготовлением этого актива. Под инвестиционным активом при этом понимается объект имущества, подготовка которого к предполагаемому использованию требует длительного времени и существенных расходов на приобретение, сооружение и (или) изготовление. Проценты, причитающиеся к оплате заимодавцу (кредитору), включаются в стоимость инвестиционного актива равномерно, как правило, независимо от условий предоставления займа (кредита).

Таким образом, законодательство предусматривает увеличение стоимости объекта основных средств, отвечающего критериям инвестиционного актива, на сумму процентов по полученным займам (кредитам) в той части, в которой заемные средства использовались на его приобретение (создание). Если такой объект основных средств подлежит налогообложению, то соответствующая сумма процентов учитывается при определении налоговой базы.

Из материалов дела следовало, что общество осуществляло поэтапное строительство и ввод в эксплуатацию горно-обогатительного комбината. Фактическим источником финансирования строительства являлись займы, полученные от участников общества.

Из представленного обществом расчета следовало, что спорные займы лишь в определенной части были направлены на создание объектов капитального строительства, а в остальной части использовались на другие нужды.

При таком положении у налогового органа отсутствовали основания для доначисления налога, исходя из всей суммы процентов, начисленных по долговым обязательствам общества, в связи с чем решение налогового органа в соответствующей части признано судом недействительным.

13. Наличие в государственном реестре записи об объекте недвижимости не подтверждает наличие обязанности по уплате налога, если налогоплательщиком доказано, что объект недвижимости фактически прекратил свое существование (утратил физические свойства), в том числе в результате сноса или разрушения.

По результатам проверки представленной хозяйственным обществом декларации по налогу на имущество организаций налоговым органом принято решение о доначислении недоимки в связи с необоснованным исключением из расчета налога недвижимого имущества (здания), в отношении которого в Едином государственном реестре недвижимости имелась запись о его принадлежности налогоплательщику.

Не согласившись с решением налогового органа, общество оспорило его в арбитражном суде, указывая на фактическое отсутствие у него объекта недвижимости в спорном налоговом периоде по причине его сноса и на обусловленное этим списание объекта с бухгалтерского учета.

Решением суда, с выводами которого согласились суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа, в удовлетворении заявления общества отказано, поскольку, с точки зрения судов, до регистрации прекращения права собственности на объект недвижимости в государственном реестре общество обязано учитывать данный объект недвижимости в качестве основного средства в целях налогообложения по налогу на имущество.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты и удовлетворила заявленное требование, указав следующее.

Законодательство о налогах и сборах связывает обязанность по исчислению и уплате налога на имущество организаций с наличием у налогоплательщика реально существующих объектов недвижимости, способных приносить экономические выгоды его владельцу и потому признаваемых частью активов налогоплательщика — объектами основных средств (п. 1 ст. 374 НК РФ).

Уплата налога со стоимости недвижимости выступает в этом случае одной из составляющих бремени содержания имущества, которое возлагается на собственника, а само по себе наличие в государственном кадастровом учете сведений об объекте недвижимости и его принадлежности налогоплательщику не может служить основанием для взимания налога при отсутствии облагаемого имущества в действительности.

Отказывая в удовлетворении требований общества, суды не приняли во внимание, что право на вещь не может существовать в отсутствие самой вещи. На основании п. 1 ст. 235 ГК РФ и с учетом разъяснений, данных в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня

2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, в случае сноса объекта недвижимости право собственности на него прекращается по факту уничтожения (утраты физических свойств) имущества.

В подтверждение отсутствия (сноса) объекта налогообложения налогоплательщиком представлен акт, составленный кадастровым инженером и вошедший в пакет документов, на основании которых впоследствии сведения о здании были исключены из Единого государственного реестра недвижимости. То обстоятельство, что в спорном налоговом периоде здание физически не существовало, налоговым органом не оспаривалось ни в ходе проведения налоговой проверки, ни в рамках судебного разбирательства. Достоверность составленного кадастровым инженером акта не опровергнута.

При таких обстоятельствах произведенное налоговым органом доначисление налога на имущество организаций не может быть признано правомерным.

В другом деле суды согласились с позицией инспекции о сохранении у налогоплательщика обязанности по уплате налога на имущество организаций за период до составления кадастровым инженером акта, подтверждающего снос имущества, исходя из следующего.

Согласно п. 4¹ ст. 382 НК РФ (введен в действие Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 305-ФЗ) в отношении объекта налогообложения, прекратившего свое существование в связи с его гибелью или уничтожением, исчисление налога прекращается с 1-го числа месяца гибели или уничтожения такого объекта на основании заявления о его гибели или уничтожении, представленного налогоплательщиком в налоговый орган по своему выбору. С указанным заявлением налогоплательщик вправе представить документы, подтверждающие факт гибели или уничтожения объекта налогообложения.

Поскольку законодательством о налогах и сборах не установлено иное, при оценке факта прекращения существования объекта налогообложения может быть принят во внимание не только акт обследования, составленный кадастровым инженером (ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости”), но и иные доказательства.

В частности, могут быть учтены документы, составление которых при сносе объекта капитального строительства предусмотрено градостроительным законодательством (ст. 55³¹ ГрК РФ) и иными нормативными правовыми актами, договоры с организациями, осуществлявшими снос объекта, если в своей совокупности эти доказательства позволяют сделать бесспорный вывод об утрате физических свойств объектом недвижимости именно в спорном налого-

вом (отчетном) периоде и подтверждают правильность определения даты списания объекта основных средств в налоговом учете (п. 1 ст. 54 НК РФ).

Из материалов дела следовало, что акт обследования составлен кадастровым инженером в одном из последующих налоговых (отчетных) периодов (2022 год), а не в спорный период (2020 год). При этом налогоплательщик не обращался в органы строительного надзора с уведомлением о планируемом сносе объекта капитального строительства в 2020 году, не уведомлял о завершении сноса объекта в соответствии с градостроительными правилами.

При таких обстоятельствах суды пришли к выводу о том, что документы бухгалтерского учета о списании объекта основных средств — здания с учета, составленные самим налогоплательщиком, но не имеющие объективного подтверждения иными доказательствами, не могут служить основанием для вывода о прекращении обязанности по уплате налога за спорный налоговый период.

14. В случае приобретения имущества с нарушением закона, в том числе на основании сделки, признанной недействительной, налог уплачивается той стороной сделки, которая владела этим имуществом и использовала его в хозяйственной деятельности.

Налоговым органом по результатам проведенной проверки принято решение о доначислении хозяйственному обществу недоимки по налогу на имущество организаций соответствующих сумм пени и штрафа в связи с необоснованным исключением из расчета налога недвижимого имущества (нежилых помещений), которое в спорный период было передано автономной некоммерческой организации, осуществляющей образовательную деятельность (институт).

Обосновывая произведенные доначисления, налоговый орган сослался на результаты рассмотрения судами ряда споров между обществом и институтом, согласно которым собственником помещений является общество, а закрепление прав в отношении спорных помещений за институтом проведено с нарушением закона, поскольку общество не являлось учредителем института и в соответствии с п. 3 ст. 123²⁴ ГК РФ не могло передать права на имущество этому учреждению.

Не согласившись с доначислениями, общество оспорило решение налогового органа в арбитражном суде.

Суд первой инстанции признал обоснованными выводы налогового органа, в связи с чем принял решение об отказе в удовлетворении требований общества в части оспаривания недоимки, пени и штрафа за неуплату налога.

Суд апелляционной инстанции принял во внимание, что помещения в спорный период учитывались в качестве объектов основных

средств и фактически использовались институтом, а не обществом, в связи с чем отменил решение суда и удовлетворил требования налогоплательщика.

Арбитражный суд кассационной инстанции отменил постановление суда апелляционной инстанции, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда кассационной инстанции и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции, приведя следующие основания.

Для публичных целей налогообложения по общему правилу именно лицо, обладающее зарегистрированным правом на имущество, должно рассматриваться в качестве субъекта налогообложения, поскольку в силу п. 6 ст. 8¹ ГК РФ лицо, которое указано в государственном реестре в качестве правообладателя, признается таковым, пока в установленном законом порядке в реестр не внесена запись об ином.

Возложение обязанности по уплате налога в соответствии со сведениями, отраженными в государственном реестре, как правило, отвечает экономическому основанию налога на имущество, предполагающему, что бремя уплаты налога возлагается на лицо, которое имеет возможность извлечения экономических выгод из использования объекта основных средств как своего актива.

Возложение налоговой обязанности на собственника, лишенного возможности использовать принадлежащее ему имущество в силу противоправных действий лица, внесшего сведения о своем праве на имущество в государственный реестр, напротив, не обеспечивало бы равного и экономически оправданного распределения налогового бремени между участниками оборота в зависимости от их имущественной способности к уплате налога, формировало бы неправильные финансовые стимулы поведения участников оборота (пп. 1 и 3 ст. 3 НК РФ).

Как следовало из материалов дела, права на спорные помещения были зарегистрированы за институтом незаконно — в отсутствие волеизъявления собственника.

Однако это обстоятельство не могло служить основанием для освобождения института от обязанности по уплате налога и возложения обязанности по уплате налога на общество, поскольку допущенное нарушение не являлось препятствием для использования помещений в уставной (образовательной) деятельности института, извлечения выгоды при ее ведении, в то время как общество названной возможности было лишено.

Налоговым органом не представлены доказательства, которые бы свидетельствовали о том, что общество использовало спорные помещения в своей деятельности и (или) имело возможность извлечения выгоды до окончания су-

дебных разбирательства по вопросу принадлежности помещений. При таком положении является правомерным вывод суда апелляционной инстанции о том, что именно институт должен признаваться плательщиком налога в отношении спорных помещений.

В другом деле суды признали незаконным сообщение налогового органа об исчисленных хозяйственному обществу суммах налога на имущество организаций в отношении ряда объектов недвижимости (п. 6 ст. 386 НК РФ), права на которые, согласно информации, полученной налоговым органом из Единого государственного реестра недвижимости, в спорный налоговый период были зарегистрированы за обществом.

Из материалов дела следовало, что объекты недвижимости приобретены обществом на публичных торгах и приняты от продавца по актам приема-передачи. Впоследствии вступившим в законную силу решением суда торги признаны недействительными, в порядке применения последствий их недействительности на общество возложена обязанность по возврату имущества.

К началу налогового периода, указанного в сообщении налогового органа, спорные объекты фактически возвращены продавцу, который стал использовать недвижимость в своих коммерческих целях, а именно начал сдавать помещения в аренду. Охрана объектов недвижимости также осуществляется продавцом, доступ сотрудников общества на объект отсутствовал.

Как указано судами, по смыслу п. 1 ст. 54 НК РФ налоговые последствия влекут не сами гражданско-правовые сделки, а совершаемые во исполнение этих сделок финансово-хозяйственные операции. Следовательно, внесение в Единый государственный реестр недвижимости записи о принадлежности организации права на имущество на основании совершенной налогоплательщиком сделки не является безусловным основанием для возложения на такое лицо обязанности по уплате налога, если сделка, послужившая основанием для государственной регистрации права, является (признана) недействительной, а имущество возвращено другой стороне сделки, в связи с чем более не находится во владении и пользовании организации.

Согласно материалам дела фактическое владение и пользование недвижимым имуществом осуществлял продавец, обладавший правом собственности на указанное недвижимое имущество, подтвержденным вступившим в законную силу судебным актом.

При таких обстоятельствах суды пришли к выводу, что обязанность по уплате налога на имущество организаций должна исполняться данным лицом, а у налогового органа отсутствовали основания, предусмотренные п. 6 ст. 386 НК РФ, для направления обществу спорного сообщения.

15. Имущество, переданное концессионеру в соответствии с концессионным соглашением, подлежит налогообложению у концессионера с даты фактической передачи этого имущества вне зависимости от своевременности внесения сведений в государственный реестр.

По результатам налоговой проверки муниципального унитарного предприятия налоговый орган пришел к выводу о неуплате предприятием налога на имущество организаций в отношении объектов недвижимости, переданных в коммерческую концессию хозяйственному обществу.

Обосновывая доначисление налога, инспекция указала, что согласно данным государственного реестра недвижимость находится в хозяйственном ведении муниципального предприятия. Несмотря на заключение концессионного соглашения, сведения о передаче имущества обществу по данному договору в Единый государственный реестр недвижимости не внесены, в связи с чем, с точки зрения налогового органа, плательщиком налога в отношении этого имущества продолжало оставаться предприятие, а основания для взимания налога с концессионера (общества) отсутствовали.

Решением суда первой инстанции, с выводами которого согласились суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа, произведенные налоговым органом доначисления признаны незаконными исходя из следующего.

В силу ст. 378¹ НК РФ имущество, переданное концессионеру и (или) созданное им в соответствии с концессионным соглашением, подлежит налогообложению у концессионера.

Факт отсутствия государственной регистрации права сам по себе не может являться основанием для освобождения концессионера от уплаты налога на имущество, поскольку в соответствии с ч. 16 ст. 3 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ “О концессионных соглашениях” объект концессионного соглашения и иное передаваемое концедентом концессионеру по концессионному соглашению имущество отражаются на балансе концессионера, обособляются от его имущества. В отношении таких объектов и имущества концессионером ведется самостоятельный учет, осуществляемый им в связи с исполнением обязательств по концессионному соглашению, и производится начисление амортизации таких объекта и имущества.

Судами установлено, что спорные объекты недвижимости включены в состав имущества, переданного обществу по концессионному соглашению, и фактически переданы концессионеру, используются в его хозяйственной деятельности.

При таких обстоятельствах возложение обязанности по уплате налога на имущество организаций на предприятие вместо общества в отношении спорной недвижимости, представляющего собой объекты концессионного соглашения, не может быть признано правомерным.

16. Установление кадастровой стоимости в отношении законченных строительством жилых помещений, жилых строений, многоквартирных домов, наемных домов, садовых домов, гаражей, машино-мест является основанием для взимания налога в отношении таких объектов вне зависимости от вида разрешенного использования земельных участков, на которых они расположены.

В ходе проверки налоговым органом установлено, что хозяйственное общество в нарушение подп. 4 п. 1 ст. 378² НК РФ не уплачивало налог на имущество организаций в отношении принадлежащих ему объектов недвижимости — жилых домов, предназначенных для продажи и не включенных в состав основных средств в бухгалтерском учете.

Не согласившись с доначислением налога по результатам проведенной проверки, общество оспорило решение налогового органа в арбитражном суде, поскольку полагало, что в силу п. 1 ст. 374 НК РФ не обязано уплачивать налог в отношении имущества, которое не отвечает критериям объектов основных средств.

Кроме того, с точки зрения налогоплательщика, обязанность по уплате налога в отношении жилых помещений установлена подп. 4 п. 1 ст. 378² НК РФ только для случаев, когда такие соответствующие объекты недвижимости расположены на земельных участках, предоставленных для ведения личного подсобного хозяйства, огородничества, садоводства или индивидуального жилищного строительства.

Суд отказал в удовлетворении требований общества и признал обоснованным доначисление налога, произведенное инспекцией, исходя из следующего.

Статьей 378² НК РФ установлены особенности определения налоговой базы, исчисления и уплаты налога в отношении отдельных объектов недвижимого имущества.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 378² НК РФ (в ред. Федеральных законов от 28 ноября 2019 г. № 379-ФЗ и от 31 июля 2023 г. № 389-ФЗ) обложению налогом на имущество организаций исходя из кадастровой стоимости подлежат следующие принадлежащие организациям объекты: жилые помещения, жилые строения, многоквартирные дома, наемные дома, садовые дома, гаражи, машино-места, объекты незавершенного строительства, а также хозяйственные строения или сооружения, расположенные на земельных участках, предоставленных для ведения личного подсобного хозяйства, огородничества, садоводства или индивидуального жилищного строительства.

По буквальному содержанию данной нормы принадлежащие организациям жилые помещения, жилые строения, многоквартирные дома, наемные дома, садовые дома, гаражи, машино-места, в отношении которых определена кадастровая стоимость, внесенная в Единый государственный реестр недвижимости, подлежат обложению налогом на имущество организаций

вне зависимости от назначения земельного участка (с учетом положений закона соответствующего субъекта Российской Федерации о налоге на имущество организаций).

Назначение земельного участка “для ведения личного подсобного хозяйства, огородничества, садоводства или индивидуального жилищного строительства” учитывается при определении налоговой базы по налогу на имущество исходя из кадастровой стоимости только в отношении хозяйственных строений или сооружений.

Как следовало из материалов дела, жилые дома, возведенные налогоплательщиком, учтены в бухгалтерском учете в качестве активов, предназначенных для продажи. Сведения о жилых домах внесены в государственный реестр, в отношении этого имущества определена кадастровая стоимость.

При таких обстоятельствах, поскольку законом субъекта Российской Федерации предусмотрено взимание налога по кадастровой стоимости в отношении объектов, перечисленных в подп. 4 п. 1 ст. 378² НК РФ, суд пришел к выводу о наличии у общества обязанности по уплате налога в отношении спорных объектов.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа признали выводы суда первой инстанции правильными.

В схожем деле суды не согласились с доводами хозяйственного общества об отсутствии оснований для взимания налога на имущество организаций в отношении квартир (жилых помещений), не предназначенных для использования налогоплательщиком (застройщиком) в его собственной деятельности.

Выражая несогласие с доначислением налога, общество сослалось на законодательно установленную обязанность налогоплательщика, выступающего в качестве застройщика по договору о комплексном развитии территории жилой застройки, по расселению собственников квартир, расположенных в многоквартирных домах (п. 1 ч. 6 ст. 68 ГрК РФ).

По мнению общества, приобретение спорного имущества без цели его дальнейшего использования в своей деятельности и отсутствие возможности извлечения экономической выгоды свидетельствуют об отсутствии экономического основания налога, взимание которого в таком случае не отвечает требованиям п. 3 ст. 3 НК РФ.

Отклоняя доводы общества, суды указали, что принадлежащие заявителю объекты недвижимости облагаются налогом в соответствии с положениями ст.ст. 378² и 382 НК РФ, поскольку относятся к жилым помещениям, права на которые зарегистрированы в Едином государственном реестре недвижимости и в отношении которых определена кадастровая стоимость.

Бремя содержания имущества, также выражающееся в обязанности по уплате налоговых платежей (ст. 210 ГК РФ), возложено на заявителя законом и является в том числе стимулом к

соблюдению обязательств, принятых на себя обществом в рамках исполнения обязательств по последующему сносу объектов по договору о комплексном развитии территории жилой застройки.

Применительно к обстоятельствам настоящего спора экономическая выгода налогоплательщика (застройщика) будет извлечена в последующем от застройки земельных участков, полученных без проведения торгов, и реализации жилых помещений во вновь возводимых им же жилых домах и иных объектов недвижимости, за исключением объектов, подлежащих передаче в государственную или муниципальную собственность.

При таком положении доводы общества об отсутствии оснований для взимания налога отклонены судами.

17. Объекты незавершенного строительства, в отношении которых определена и в установленном порядке утверждена кадастровая стоимость, облагаются налогом на имущество организаций вне зависимости от использования таких объектов в производственной деятельности налогоплательщика.

Хозяйственное общество оспорило в арбитражном суде решение налогового органа, которым обществу доначислен налог на имущество в отношении производственных объектов (цеха), сведения о которых как об объектах незавершенного строительства внесены в Единый государственный реестр недвижимости и кадастровая стоимость которых определена.

Оспаривая произведенные доначисления, общество указывало, что строительство производственных объектов фактически не осуществляется, данные объекты не используются и не могут использоваться в его производственной деятельности.

Решением суда в удовлетворении заявленных обществом требований отказано исходя из следующего.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 378² НК РФ объекты незавершенного строительства относятся к видам недвижимого имущества, в отношении которых налоговая база определяется как кадастровая стоимость имущества.

Такой порядок определения налоговой базы применяется только после утверждения субъектом Российской Федерации в установленном порядке результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимого имущества (абз. 1 п. 2 ст. 378² НК РФ).

При рассмотрении дела судами установлено, что принадлежащие налогоплательщику объекты незавершенного строительства соответствуют указанным критериям, поскольку они введены в гражданский оборот (учтены в государственном реестре как объекты незавершенного строительства), в их отношении определена и в установленном порядке утверждена кадастровая стоимость.

Ссылаясь на аварийное состояние недостроенных цехов, налогоплательщик не принимал мер, направленных на оспаривание кадастровой оценки. Доказательств того, что имущество фактически утратило свои физические свойства в результате разрушения или проведенного в установленном порядке сноса, налогоплательщик в материалы дела также не представил.

При этом обременительность налогообложения незавершенного строительством объекта, не приносящего собственнику экономических выгод, сама по себе не может служить основанием

для неуплаты законно установленного налога. Объекты незавершенного строительства, несмотря на отсутствие возможности их использования как готовых объектов, отвечают понятию актива, поскольку они имеют стоимостную оценку и возможно их возмездное отчуждение.

Постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа решение суда оставлено без изменения.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
29 апреля 2026 г.)*

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 5/2026

О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год

В целях обеспечения правильного применения судами норм материального и процессуального права при разрешении споров о несостоятельности (банкротстве) по результатам изучения и обобщения судебной практики за 2025 год Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

Требования кредиторов и формирование конкурсной массы должника

1. Залог, возникающий на основании положений ст. 73 Налогового кодекса РФ, предоставляет уполномоченному налоговому органу статус залогового кредитора в деле о банкротстве.

В деле о банкротстве юридического лица в объединенном производстве рассмотрены вопросы об установлении залогового статуса требования уполномоченного органа (Федеральной налоговой службы России) в размере 109 млн руб. и заявление конкурсного управляющего должника о признании недействительной сделки по установлению уполномоченным налоговым органом залога в отношении отдельных объектов, находящихся в собственности у должника (4 объекта недвижимости и 153 единицы движимого имущества), и о применении последствий недействительности в виде признания залога отсутствующим.

Суд первой инстанции заявление конкурсного управляющего удовлетворил, в удовлетворении заявления уполномоченного органа отказал.

Суд апелляционной инстанции, чье постановление оставлено без изменения судом округа, определение суда первой инстанции отменил, заявление конкурсного управляющего оставил без удовлетворения, заявление уполномоченного органа удовлетворил.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, оставляя судебные акты суда апелляционной инстанции и суда округа без изменения, указала следующее.

Смысл предусмотренного гражданским законодательством института залога как способа обеспечения исполнения обязательств по общему правилу состоит в возможности получить приоритетное удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами должника (п. 1 ст. 334 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК РФ). Ординарный залог, дающий приоритет залогодержателю в процедуре банкротства, возникает в силу договора или закона (п. 1 ст. 334¹ ГК РФ).

Наряду с приоритетным удовлетворением требования кредитора из стоимости предмета залога другая ключевая функция залога состоит в обеспечении сохранности имущества залогодателя и предоставлении залогодержателю механизмов контроля над этим имуществом (п. 3 ст. 343 и ст. 347 ГК РФ).

Федеральным законом от 29 сентября 2019 г. № 325-ФЗ “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации” ст. 73 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) была дополнена п. 2¹. Положения введенной нормы прямо указывают на возникновение залога в силу закона, что соотносится с содержанием п. 1 ст. 334¹ ГК РФ, ст.ст. 18¹ и 138 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве).

Кроме того, в рамках налоговых правоотношений при наложении ареста в порядке ст. 77 НК РФ и применении обеспечительных мер в соответствии со ст. 101 НК РФ происходит идентификация и отделение имущества, что подтверждает особый характер возникающих залоговых прав государства в силу закона. Ре-

зультаты идентификации и отделения имущества должника подлежат обязательному публичному раскрытию на официальном сайте федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, с указанием имущества, в отношении которого вынесено соответствующее решение (п. 4 ст. 72 НК РФ).

По этой причине арест, наложенный уполномоченным налоговым органом, порождает на основании п. 2¹ ст. 73 НК РФ залог в силу закона, в связи с чем требования уполномоченного органа в деле о банкротстве устанавливаются как обеспеченные залогом, а сам уполномоченный орган как кредитор имеет права залогодержателя в отношении имущества, на которое ранее был наложен арест.

При этом в данном деле с учетом положений п. 4 ст. 61⁴ Закона о банкротстве отсутствовали основания для признания обеспечительных мер и последующего возникновения залогового права недействительными сделками.

2. Требование уполномоченного органа об уплате налоговой задолженности и решение о ее взыскании сохраняют свое действие до полного погашения налогоплательщиком отрицательного сальдо единого налогового счета.

Уполномоченный налоговый орган обратился в арбитражный суд с заявлением о признании юридического лица несостоятельным (банкротом).

Суд первой инстанции, определение которого оставлено без изменения судами апелляционной инстанции и округа, в удовлетворении заявления отказал, производство по делу о банкротстве прекратил. При этом суды исходили из того, что ранее в отношении должника уже была введена процедура банкротства, которая была прекращена по ходатайству уполномоченного органа в связи с погашением основного долга до суммы, не позволяющей на ее основании возбудить дело о банкротстве. В данном же деле отсутствуют какие-либо новые документы, требования об уплате задолженности или решения о взыскании задолженности, вынесенные уполномоченным органом, которые бы не были предъявлены уполномоченным органом в первом деле о банкротстве.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты по делу и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указала следующее.

В результате внесения изменений в налоговое законодательство с 1 января 2023 г. усовершенствованы процедура уплаты налогов, сборов и взносов, а также механизм взыскания налоговой задолженности, в том числе законодательно закреплено понятие единого налогового платежа и введен институт единого налогового счета.

В настоящее время согласно п. 2 ст. 11 НК РФ совокупной обязанностью налогоплательщика признается общая сумма обязательных платежей, которую он должен уплатить в бюджетную систему Российской Федерации. Денежные средства, перечисленные налогоплательщиком для исполнения этой совокупной обязанности в бюджет или взысканные с него, относятся к числу единых налоговых платежей. Учет совокупной обязанности и общей суммы единых налоговых платежей осуществляется на едином налоговом счете. Если общая сумма единых налоговых платежей меньше суммы, составляющей совокупную обязанность, на этом счете формируется отрицательное сальдо (ст. 11³ НК РФ).

При наличии отрицательного сальдо налогоплательщику направляется извещение — требование об уплате задолженности, в котором указывается сумма долга на момент направления данного требования (абз. 2 п. 1 ст. 69 НК РФ). При этом требование признается исполненным, если было погашено отрицательное сальдо единого налогового счета, сложившееся на момент платежа, а не на момент выставления требования (абз. 2 п. 3 ст. 69 НК РФ).

Согласно п. 3 ст. 46 НК РФ в случае неисполнения требования в указанном порядке взыскание производится посредством размещения в реестре решений о взыскании задолженности (далее — реестр решений) решения о взыскании задолженности за счет денежных средств, а также поручений налогового органа на списание и перечисление долга в бюджет, адресованных банкам, оператору платформы цифрового рубля, и поручений на перевод электронных денежных средств. При изменении размера отрицательного сальдо в реестре решений размещается информация об изменении суммы задолженности, подлежащей перечислению по поручениям налогового органа.

Таким образом, в случае изменения суммы задолженности при наличии отрицательного сальдо единого налогового счета, в том числе при возникновении новых долгов, новое требование не выставляется и налогоплательщику не направляется. Процедура взыскания задолженности за счет денежных средств налогоплательщика носит динамический характер, она основана на обновлении информации в реестре решений. Решение о взыскании задолженности за счет денежных средств также формируется один раз.

В рассматриваемом случае уполномоченный орган ссылаясь на то, что задолженность юридического лица по обязательным платежам возрас- тала, в том числе добавлялась новая недоимка, и поэтому сальдо его единого налогового счета всегда было отрицательным с момента возбуждения первого дела о банкротстве и является таковым в настоящий момент. При таких обстоятельствах дело о банкротстве не подлежало прекращению по приведенным судами мотивам.

3. Требование об уплате должником страховых взносов по единому тарифу относится ко второй очереди реестра требований кредиторов.

В деле о банкротстве юридического лица уполномоченный орган обратился в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов задолженности по уплате страховых взносов по единому тарифу с отнесением ее ко второй очереди реестра требований кредиторов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и суда округа, требование уполномоченного органа об уплате страховых взносов включено частично во вторую очередь реестра требований кредиторов, а в остальной части — в третью очередь в соответствии с видом обязательного страхования, на который эти взносы уплачиваются.

В кассационной жалобе уполномоченный орган просил отменить судебные акты в части отнесения задолженности к третьей очереди удовлетворения и в этой части ту же сумму задолженности по уплате страховых взносов включить во вторую очередь.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты в части отнесения задолженности к третьей очереди и принимая новый судебный акт об отнесении той же задолженности ко второй очереди, указала следующее.

Страховые взносы уплачиваются в систему обязательного социального страхования в связи с осуществлением работающими застрахованными гражданами трудовой и сходной с ней деятельности и выступают материальной гарантией социального обеспечения для этих граждан в случаях, когда те лишены возможности иметь заработок (доход) или утрачивают его в силу возраста, состояния здоровья и по другим причинам, которые рассматриваются в качестве страховых рисков.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 239-ФЗ “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 18 и 19 Федерального закона “О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Автоматизированная упрощенная система налогообложения” с 1 января 2023 г. внесены изменения в законодательство о налогах и сборах: введен единый тариф страховых взносов, приняты положения, направленные на создание универсальной системы исчисления и уплаты страховых взносов, предусматривающей установление единого круга застрахованных лиц и единой предельной и облагаемой базы во все государственные внебюджетные фонды. В результате реформы весь платеж по единому тарифу страховых взносов на законодательном уровне признан по своей сути обязательной составной частью расходов по найму рабочей силы, поскольку выплаты, осуществляемые в пользу граждан в рамках обязательного социального страхова-

ния, в значительной части призваны заменить собой заработную плату в ситуации, когда ее получение в полном объеме затруднено по объективным жизненным обстоятельствам.

При этом страховые взносы имеют целевое назначение (п. 3 ст. 8 и п. 3 ст. 425 НК РФ) и являются основным источником образования доходной части государственных внебюджетных фондов. В соответствии со ст.ст. 3 и 4 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ “Об основах обязательного социального страхования” обязательное социальное страхование граждан осуществляется в соответствии с принципами автономности финансовой системы обязательного социального страхования и устойчивости финансовой системы обязательного социального страхования, обеспечиваемой на основе эквивалентности страхового обеспечения (объема обязательств перед застрахованными лицами) средствам обязательного социального страхования (денежным средствам и имуществу страховщика).

Включение обязательства по уплате страховых взносов по единому тарифу в третью очередь реестра требований кредиторов создает вероятность образования существенной диспропорции между платежами, которые вносятся работодателями либо застрахованными гражданами на обязательное социальное страхование, и предоставляемым гражданам страховым обеспечением, что противоречит самой сути отношений по социальному страхованию.

Таким образом, реестровые обязательства плательщика страховых взносов по единому тарифу в соответствии с абз. 3 п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве относятся ко второй очереди удовлетворения требований. Аналогичное правило применимо и к текущим обязательствам плательщика: задолженность по уплате страховых взносов по единому тарифу в соответствии с абз. 3 п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве относится ко второй очереди текущих платежей.

4. После погашения требования залогового кредитора и оплаты необходимых расходов остаток выручки от продажи заложенного единственного жилья гражданина подлежит исключению из конкурсной массы.

В деле о банкротстве гражданина финансовый управляющий обратился в суд с заявлением о прекращении процедуры реализации имущества и об утверждении себе вознаграждения.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной инстанции и округа, производство по делу о банкротстве прекращено, утвержден размер вознаграждения финансового управляющего.

В кассационной жалобе должник просил отменить судебные акты по делу, ссылаясь в том числе на незаконное погашение финансовым управляющим требований незалоговых креди-

торов за счет выручки от продажи заложенного единственного жилья.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты по делу и направляя его на новое рассмотрение, указала следующее.

Денежные средства от продажи единственного жилья за вычетом сумм, направленных на погашение требований залогового кредитора, а также требований и расходов, предусмотренных абз. 2—4 п. 5 ст. 213²⁷ Закона о банкротстве, подлежат исключению из конкурсной массы.

В рассматриваемом деле за счет вырученной от продажи заложенной квартиры должника денежной суммы, составившей основную часть конкурсной массы, подлежали погашению требования залогового кредитора, требования о возмещении судебных расходов, об уплате вознаграждения финансовому управляющему, а оставшаяся после этих выплат сумма должна была поступить в распоряжение должника (в настоящее время соответствующие положения закреплены в ст. 213²⁷⁻¹ Закона о банкротстве).

Неподача должником в суд заявления об исключении денежных средств из конкурсной массы до расчетов с кредиторами и инициирования прекращения дела не могла быть истолкована финансовым управляющим как отказ от получения денежных средств, а напротив, требовала выяснения воли должника и разъяснения ему права на подачу соответствующего заявления.

Поскольку в настоящем деле судами не были соблюдены права должника на получение подлежащих исключению из конкурсной массы денежных средств, в том числе не была установлена его воля на распоряжение такими денежными средствами, судебные акты были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение.

В другом деле о банкротстве гражданина Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, оставляя в силе определение суда первой инстанции об определении размера вознаграждения финансового управляющего, указала, что за счет выручки от продажи заложенного единственного жилья должника подлежит погашению в том числе требование о выплате вознаграждения финансовому управляющему (ст. 20⁶ Закона о банкротстве), а примененный в обжалуемых судебных актах подход о приоритете права должника на получение доли выручки над правом финансового управляющего на получение вознаграждения нарушает баланс интересов участников дела о банкротстве. Бремя доказывания явной несоразмерности вклада управляющего в достижение результатов процедуры банкротства лежит на участвующем в деле о банкротстве лице, заявившем ходатайство о снижении вознаграждения (п. 18 ст. 20⁶ Закона о банкротстве).

5. Гражданин-должник, не сообщивший банку при получении потребительского кредита о наличии задолженности перед иными кредиторами, не подлежит освобождению от долгов перед банком.

В деле о банкротстве гражданина при завершении процедуры реализации имущества должника рассмотрен вопрос об освобождении его от исполнения требований кредиторов.

Судом первой инстанции в освобождении от долгов отказано со ссылкой на недобросовестное поведение должника, выразившееся в принятии на себя заведомо неисполнимых обязательств.

Суд апелляционной инстанции, отменяя судебный акт суда первой инстанции и освобождая должника от обязательств, исходил из того, что вся представленная должником документация соответствовала действительности, а сам должник не совершал каких-либо умышленных действий в отношении своих кредиторов.

Суд округа постановление суда апелляционной инстанции отменил, определение суда первой инстанции оставил в силе.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, оставляя в силе определение суда первой инстанции и постановление суда округа, указала следующее.

Законодательство о банкротстве позволяет освободиться от долгов добросовестному должнику, попавшему в затруднительное финансово-экономическое положение.

Само по себе одновременное обращение потенциального заемщика в разные банки для определения оптимальных для него условий кредитования еще не свидетельствует о недобросовестном поведении должника. Вместе с тем после определения таких условий стандартным поведением добросовестного заемщика является обращение в банк, предложивший лучшие условия, с целью получения кредита на всю необходимую сумму. При одновременном обращении за получением кредита в несколько банков правомерным поведением добросовестного потенциального заемщика будет являться указание соответствующей информации о получении им заемных средств в иных кредитных учреждениях. Иное поведение лишает кредиторов возможности объективно оценить свои риски и ввиду недобросовестного характера действий должника влечет отказ в освобождении его от соответствующих обязательств по итогам процедуры реализации имущества (п. 4 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве).

Кроме того, в данном деле должник сообщил о направлении полученных по потребительским кредитам средств на развитие бизнеса, доходом от которого он планировал погашать обязательства. Однако подобное заведомое расходование заемных средств и фактическим их использованием также не соответствует стандарту поведения добросовестного заемщика (п. 3 ст. 307 ГК РФ). Процесс получения креди-

та с целью развития бизнеса предполагает представление в банк дополнительных сведений о таком бизнесе, что дает банку возможность оценить бизнес-план заемщика на предмет исполнимости. Соккрытие от банка информации о реальной цели получения кредитных средств лишило его возможности объективно оценить риски при выдаче займа.

6. Соккрытие гражданином-должником имущества и источников финансирования расходов, понесенных в ходе процедуры банкротства, по общему правилу влечет отказ в освобождении от долгов.

В деле о банкротстве гражданина при завершении процедуры реализации имущества должника рассмотрен вопрос об освобождении его от исполнения требований кредиторов.

Определением суда первой инстанции в освобождении от долгов отказано. Суд исходил из того, что должник не содействовал финансовому управляющему в проведении процедур банкротства, в том числе в течение нескольких лет не передал ему сведения о своем имущественном положении, не передавал материальные и иные ценности в полном объеме, а соответствующее требование финансового управляющего исполнял лишь частично.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда округа, определение суда первой инстанции отменено, должник освобожден от долгов. При этом суд исходил из того, что в деле отсутствуют доказательства недобросовестного поведения должника при возникновении обязательств, а также в ходе процедуры банкротства.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты судов апелляционной инстанции и округа и оставляя в силе определение суда первой инстанции в части отказа в освобождении от долгов, указала следующее.

Гражданско-правовые обязательства должны исполняться добросовестно, исходя из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны обязательства, содействующего ей в достижении цели обязательства (п. 3 ст. 307, ст. 309 ГК РФ). Односторонний отказ от исполнения обязательства не допускается (п. 1 ст. 310 ГК РФ).

Исходя из этого процедура банкротства не предназначена для недобросовестного ухода от ответственности по долгам и для незаконного прекращения обязательств перед кредиторами (п. 4 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве). Законодательство о банкротстве позволяет освободиться от долгов только добросовестному гражданину-должнику, попавшему в затруднительное финансово-экономическое положение, открытому для сотрудничества с финансовым управляющим, судом и кредиторами и оказывавшему

им активное содействие в проверке его имущественной состоятельности, определении состава его имущественной массы и соразмерном удовлетворении требований кредиторов.

В данном деле суды установили, что после взыскания в предшествующих гражданских делах задолженности с должника он совершал сделки, направленные на соккрытие активов, которые впоследствии были оспорены в настоящем деле о банкротстве. Кроме того, должник во время проведения процедур банкротства неоднократно выезжал за границу, что объективно требовало значительных денежных средств как минимум на оплату проезда и проживания. Однако достоверных данных об источниках финансирования таких поездок в материалы дела не представлено, что свидетельствовало об уклонении должника от сотрудничества с финансовым управляющим и кредиторами.

7. При продаже дебиторской задолженности на торгах арбитражный управляющий должен включать в состав единого лота все связанные между собой требования.

В деле о банкротстве юридического лица с контролирующими должника лиц взысканы убытки за совершение причинившей вред интересам кредиторов сделки. Кроме того, с бывшего конкурсного управляющего взысканы в той же сумме убытки за бездействие в оспаривании указанной сделки. Действующий конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением об утверждении положения о порядке, сроках и условиях продажи указанных требований (далее — положение о продаже) в деле о банкротстве, предусматривавшего отдельную продажу и передачу требований.

Судом первой инстанции, определение которого оставлено без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции и округа, положение о продаже утверждено в предложенной действующим конкурсным управляющим редакции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты по обособленному спору в деле о банкротстве и направляя его на новое рассмотрение, указала следующее.

Обязательства контролирующих лиц о возмещении должнику ущерба, образовавшегося вследствие заключения убыточной сделки, и обязательство бывшего конкурсного управляющего по компенсации ущерба, образовавшегося в результате непринятия им мер, связанных со своевременным оспариванием этой же сделки, направлены на удовлетворение одного и того же экономического интереса, а значит, должник вправе получить исполнение по таким обязательствам только единожды. В целях исключения неосновательного обогащения к названным обязательствам подлежали применению нормы о солидарных обязательствах (ст. 323 ГК РФ).

Продажа требований к должникам по связанным или солидарным обязательствам единым лотом является наиболее предпочтительной с экономической точки зрения, поскольку наличие одного покупателя позволяет избежать конкуренции исполнений. При ином подходе (продаже требований разным лицам) исполнение, полученное одним покупателем, будет вторгаться в имущественную сферу другого покупателя, уменьшая ее. Это может привести к потере вторым покупателем денежных средств, уплаченных на торгах, из-за спонтанных действий третьего по отношению к нему лица (должника первого покупателя). Наличие подобных опасений делает дебиторскую задолженность, реализуемую отдельно, высокорискованным активом, снижая ее привлекательность для потенциальных участников торгов, что отрицательно сказывается на цене продажи и, как следствие, не отвечает основной цели процедуры конкурсного производства (максимально возможному пополнению конкурсной массы).

Вместе с тем изложенный выше подход неприменим к требованиям, между которыми конкуренция исполнений отсутствует (например, требования к одному лицу, возникшие из различных кредитных договоров). В подобных случаях подлежит выяснению экономическая целесообразность включения разных требований в один лот с учетом мнения участвующих в деле лиц.

Исходя из изложенного обособленный спор направлен на новое рассмотрение.

8. Платежи, поступившие на счет несостоятельной кредитной организации, открытый Агентством по страхованию вкладов в Банке России для целей расчетов в ходе процедуры банкротства, считаются поступившими непосредственно в пользу такой кредитной организации.

Общество, являвшееся арендатором нежилого помещения, обратилось в суд с иском о взыскании с государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» (далее — агентство) ошибочно перечисленных в счет арендной платы денежных средств на счет бывшего арендодателя — банка, в отношении которого введена процедура банкротства. Конкурсным управляющим банка в силу п. 2 ст. 189⁶⁸ Закона о банкротстве является агентство.

Судами иск удовлетворен частично.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по делу судебные акты и отказывая в удовлетворении исковых требований, указала следующее.

Согласно п. 2 ст. 189⁶⁸ Закона о банкротстве при проведении процедур банкротства кредитных организаций в случае осуществления агентством полномочий конкурсного управляющего счета несостоятельной кредитной организации в ходе конкурсного производства открываются в агентстве. В свою очередь, агентство открыва-

ет счета в Банке России в валюте Российской Федерации.

Таким образом, в силу прямого указания Закона о банкротстве для целей осуществления функций конкурсного управляющего агентство открывает в Банке России расчетный счет. В пределах данного счета уже непосредственно агентство открывает лицевые счета (субсчета) конкретным кредитным организациям, признанным банкротами. По этим субсчетам агентство ведет аналитический учет приходных и расходных денежных операций упомянутых кредитных организаций.

На официальном сайте агентства опубликована информация о реквизитах расчетного счета, открытого агентством как конкурсным управляющим в подразделении Банка России и используемого для расчетов с ликвидируемыми банками. Реквизиты данного счета не совпадают с реквизитами счета самого агентства, также открытого в подразделении Банка России, но используемого агентством как юридическим лицом для осуществления собственных операций. Там же размещены сведения о номерах лицевых счетов ликвидируемых банков, которые ведет агентство; обращено внимание участников гражданского оборота на то, что при перечислении денежных средств ликвидируемым кредитным организациям помимо надлежащего расчетного счета в графе «Назначение платежа» платежного поручения должны быть указаны наименование банка и номер лицевого счета данного банка в агентстве.

С учетом того, что денежные средства были перечислены непосредственно несостоятельному банку, на стороне агентства неосновательное обогащение отсутствовало и оснований для взыскания с него денежных средств в соответствии со ст. 1102 ГК РФ не имелось.

Исходя из изложенного судебные акты по делу отменены, в удовлетворении исковых требований отказано.

9. Требование кредитора, выраженное в иностранной валюте, подлежит включению в реестр с учетом условий договора о порядке конвертации валюты долга в валюту платежа при отсутствии признаков недобросовестности.

В деле о банкротстве юридического лица кредитор обратился с заявлением о включении требования в реестр требований кредиторов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление удовлетворено. При этом размер задолженности определен с учетом условия договора, согласно которому размер долга определен в иностранной валюте, тогда как все суммы должны быть выплачены в российских рублях с конвертацией по курсу Банка России на дату платежа, увеличенному на 1%.

Суд округа судебные акты судов нижестоящих инстанций изменил, требование включил в

реестр в меньшем размере. Суд исходил из положений ст. 4 Закона о банкротстве и указал, что установление в реестре требования, выраженного в иностранной валюте, по курсу, отличающемуся от официального курса Банка России на дату введения соответствующей процедуры банкротства, является нарушением положений указанных норм права.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановление суда округа и оставляя в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, указала следующее.

В силу ст.ст. 140 и 317 ГК РФ при рассмотрении споров, связанных с исполнением денежных обязательств, следует различать валюту долга и валюту платежа. Под валютой долга понимается та валюта, в которой денежное обязательство выражено, а под валютой платежа — та, в которой данное обязательство подлежит исполнению (погашению).

Поскольку по условиям договора валютой долга является определенная иностранная валюта, а валютой платежа — российский рубль (косвенная валютная оговорка), то сумма выплаты по договору не является твердой и подлежит расчету по правилам, предусмотренным сторонами в договоре. Предусмотрев в договоре условие об увеличении на 1 процент определенной в иностранной валюте стоимости услуг, стороны фактически согласились компенсировать получателю платежа возможные будущие потери, связанные с последующей конвертационной операцией (обратной конвертацией рублей в иностранную валюту, оплатой услуг субподрядчиков, исчисляемой в иностранной валюте, и т.д.), что является общепринятым в практике делового оборота фактором ценообразования.

Таким образом, спорное условие договора определяло итоговую цену услуг по договору, выраженную в рублях, и не противоречило абз. 4 ч. 1 ст. 4 Закона о банкротстве, на что правильно указали суды первой и апелляционной инстанций. Выводы суда округа об обратном являлись ошибочными.

С учетом изложенного постановление суда округа подлежало отмене с оставлением в силе судебных актов судов первой и апелляционной инстанций.

Оспаривание сделок должника и привлечение к субсидиарной ответственности по его долгам

10. Положения ст. 61² Закона о банкротстве не могут быть использованы в целях ухода от предусмотренного ст. 61³ данного Закона ограниченного срока оспаривания сделок, влекущих оказание предпочтения одному из кредиторов.

В деле о банкротстве юридического лица конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными соглашений о зачете взаимных требований, за-

ключенных между должником и ответчиком, и о применении последствий недействительности сделок. Заявляя о недействительности указанных соглашений, конкурсный управляющий сослался на положения п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве.

Определением суда первой инстанции заявление удовлетворено, применены последствия недействительности соглашений в виде возврата сторон в первоначальное положение, существовавшее до их заключения. Суд исходил из того, что оспариваемые сделки совершены заинтересованным по отношению к должнику лицом с целью причинения имущественного вреда правам его кредиторов, поскольку в даты подписания соглашений должник уже отвечал признаку неплатежеспособности.

Суд апелляционной инстанции, отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявления, отметил, что реальность имевшихся у должника обязательств, которые были погашены в результате состоявшихся зачетов, никем из сторон под сомнение не ставилась.

Суд округа постановление суда апелляционной инстанции отменил, оставил в силе определение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановление суда округа и оставляя в силе постановление суда апелляционной инстанции, указала следующее.

Во избежание нарушения имущественных прав и законных интересов конкурсных кредиторов Законом о банкротстве закреплен правовой механизм оспаривания сделок, совершенных в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов (ст. 61² Закона о банкротстве), а также сделок, влекущих оказание предпочтения одному из кредиторов (ст. 61³ Закона о банкротстве). В данных правовых нормах приведены специальные (характерные для каждого из названных видов сделок) основания их оспаривания, презумпции, выравнивающие процессуальные возможности сторон обособленного спора, а также ретроспективные периоды глубины их проверки, исчисляемые по общему правилу от даты принятия заявления о признании должника банкротом.

В настоящем споре конкурсный управляющий, предъявляя требование о признании сделок недействительными, квалифицировал оспариваемые действия сторон как свидетельствующие о совершении зачета. При этом, учитывая, что данные действия сторон совершены более чем за полгода до возбуждения дела о банкротстве, конкурсный управляющий был лишен возможности сослаться на положения пп. 1 и 3 ст. 61³ Закона о банкротстве и потому при подаче своего заявления указал на причинение оспариваемыми сделками вреда правам конкурсных кредиторов (п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве).

Необходимыми элементами недействительности подозрительной сделки, указанной в п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве, являются ее направленность на причинение вреда имущественным правам кредиторов, осведомленность другой стороны сделки об указанной противоправной цели, фактическое причинение вреда в результате совершения сделки.

Положения ст. 61² Закона о банкротстве необходимы в первую очередь для того, чтобы посредством аннулирования подозрительных сделок ликвидировать последствия вреда, причиненного кредиторам должника после вывода активов последнего. Квалифицирующим признаком таких сделок является именно наличие вреда кредиторам, уменьшение конкурсной массы в той или иной форме.

Суд первой инстанции, удовлетворяя требования, исходил из того, что оспариваемые сделки совершены заинтересованным по отношению к должнику лицом с целью причинения имущественного вреда правам его кредиторов, поскольку на даты подписания соглашений должник уже отвечал признаку неплатежеспособности. Доводы ответчика о сальдировании встречных обязательств отклонены судом с указанием на то, что данная позиция применяется при оспаривании сделок по основанию предпостительности (ст. 61³ Закона о банкротстве), в то время как в рассматриваемом случае требования предъявлены на основании п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве.

Между тем суд апелляционной инстанции, отменяя определение суда первой инстанции, сделал вывод о том, что приведенные конкурсным управляющим в обоснование предъявленного требования доводы фактически основаны на диспозиции другого состава недействительности сделки, предусмотренного п. 1 ст. 61³ Закона о банкротстве.

При этом ссылка конкурсного управляющего на причинение вреда приоритетным удовлетворением требования ответчика была фактически направлена на обход специального состава недействительности, поскольку оказание предпостительности отдельному кредитору само по себе еще не свидетельствует о причинении конкурсной массе (иным кредиторам) вреда. В противном случае специальный состав недействительности, предусмотренный ст. 61³ Закона о банкротстве, был бы лишен смысла, будучи полностью поглощенным положениями ст. 61² Закона о банкротстве, что очевидно не соответствует целям законодательного регулирования.

Таким образом, суд апелляционной инстанции пришел к правомерному выводу о недоказанности конкурсным управляющим одного из необходимых условий признания спорной сделки недействительной по правилам п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве, а именно факта причинения вреда имущественным правам кредиторов, что стало основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований.

11. В рамках дела о банкротстве выплаты работнику организации-должника могут быть признаны недействительными на основании п. 1 ст. 61² Закона о банкротстве только в случае кратного расходования со средним размером вознаграждения за аналогичную работу в схожих организациях.

В деле о банкротстве юридического лица конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными банковских операций по перечислению денежных средств со счета должника в пользу гражданина, занимавшего ранее должность юрисконсульта.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной инстанции и округа, требования управляющего удовлетворены, банковские операции признаны недействительными, применены последствия их недействительности. Суды исходили из того, что значительная часть спорной суммы выплачивалась ответчику в качестве премий за работу. Суды указали, что ответчик, будучи работником должника, располагал сведениями о размере своего вознаграждения за труд, тогда как выплата премий сверх такого вознаграждения причинила вред имущественным интересам кредиторов должника.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты по обособленному спору и направляя его на новое рассмотрение, указала следующее.

Арбитражный суд, разрешающий дело о банкротстве, не наделен полномочиями по рассмотрению трудовых споров. При оспаривании операций по перечислению работнику должника денежных средств арбитражный суд проверяет эти операции на наличие признаков недействительности, предусмотренных специальными нормами законодательства о несостоятельности.

Неравноценность встречного предоставления для целей признания указанных выплат недействительными на основании п. 1 ст. 61² Закона о банкротстве может быть констатирована, если полученные работником суммы кратны отплаченным за труд по аналогичной должности, которую получают в других организациях, схожих с должником по роду и масштабу деятельности. Бремя доказывания такой неравноценности лежит на оспаривающей сделку стороне.

Поскольку существенные для дела обстоятельства судами не были установлены, обособленный спор направлен на новое рассмотрение.

12. Денежные средства, выплаченные арбитражным управляющим с нарушением правил очередности и пропорциональности расчетов с кредиторами, могут быть возвращены в конкурсную массу путем оспаривания платежа на основании ст. 61³ Закона о банкротстве. Процедура разрешения разногласий к таким случаям неприменима.

В деле о банкротстве юридического лица его конкурсный управляющий и банк обратились в суд с заявлением о признании недействи-

тельным платежа, совершенного конкурсным управляющим в пользу компании, являющейся конкурсным кредитором должника.

Судами установлено, что в связи с оспариванием иной сделки с банка в конкурсную массу была взыскана сумма в размере 549 млн руб. Не дожидаясь завершения рассмотрения обособленного спора, конкурсный управляющий направил полученные денежные средства на погашение требования конкурсного кредитора (начисленной в пользу компании неустойки). Поскольку впоследствии судом в оспаривании сделки с банком было отказано, спорная сумма подлежала возврату банку, в связи с чем заявители обратились с указанным требованием.

Суд первой инстанции, определение которого оставлено без изменения судом апелляционной инстанции, заявление удовлетворил.

Суд округа судебные акты по делу отменил, указав, что к рассматриваемым правоотношениям не применяются положения ст. 61³ Закона о банкротстве о признании сделок должника недействительными, заявление должно быть рассмотрено судами в порядке разрешения разногласий на основании ст. 60 Закона о банкротстве.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановление суда округа и оставляя в силе судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, указала следующее.

На момент передачи спора на рассмотрение суда первой инстанции и в ходе его разрешения отсутствовали какие-либо разногласия между банком и конкурсным управляющим относительно очередности и пропорциональности удовлетворения требований банка по текущим обязательствам (возникшим в связи с необходимостью возврата полученных должником денежных средств), которые могли бы быть рассмотрены по правилам ст. 60 Закона о банкротстве. Соответствующее требование о возврате денежных средств обращено против конкретного их получателя — компании. Цель его предъявления — привести имущественное положение банка, компании и должника в прежнее состояние. Такая цель не может быть достигнута путем разрешения заявления о разногласиях, так как по результатам его рассмотрения суд определяет условия исполнения того или иного обязательства на будущее время, а не взыскивает денежные средства с одной из сторон спора в связи с уже состоявшимся предоставлением.

Операции арбитражного управляющего, так же как и сделки предыдущих руководителей, могут быть оспорены в деле о банкротстве на основании абз. 5 п. 1 ст. 61³ Закона о банкротстве в целях защиты интересов кредиторов, чьи требования объективно существовали к моменту совершения преференциальных платежей и в дальнейшем остались непогашенными.

13. Недобросовестность контрагента при совершении сделки с должником исключает квалификацию такой сделки в качестве совершенной в рамках обычной хозяйственной деятельности на основании п. 2 ст. 61⁴ Закона о банкротстве.

В деле о банкротстве юридического лица конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными платежей, совершенных должником в пользу ответчика — третьего лица, аффилированного с учредителем и руководителем должника. Ответчиком платежи обоснованы заключением лицензионного договора, согласно которому ответчик передает должнику товарный знак.

Суд первой инстанции, определение которого оставлено без изменения постановлением судов апелляционной инстанции и округа, в удовлетворении требования отказал, отметив, что платежи, совершенные в пределах установленного ст. 61³ Закона о банкротстве срока, не подлежат оспариванию в силу п. 2 ст. 61⁴ Закона о банкротстве, поскольку являются заключенными в рамках обычной хозяйственной деятельности сделками, не превышающими по размеру 1 процента стоимости активов должника.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты по обособленному спору и принимая новый судебный акт о признании недействительными платежей, совершенных в пределах установленного ст. 61³ Закона о банкротстве срока, указала следующее.

Сделки, совершенные при наличии обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности контрагента несостоятельного должника, не могут быть отнесены к категории совершенных в рамках обычной хозяйственной деятельности. К подобным сделкам не применяются положения п. 2 ст. 61⁴ Закона о банкротстве, они подлежат проверке на наличие в том числе установленного ст. 61³ Закона о банкротстве основания недействительности.

В данном деле суды выявили факт аффилированности ответчика и контролирующего должника лица, а также установили, что указанная выше часть платежей должником совершалась в течение 6 месяцев до возбуждения дела о банкротстве в условиях наличия сформированной и непогашенной задолженности перед другими кредиторами. Презумпция осведомленности ответчика о недостаточности имущества должника для погашения требований кредиторов опровергнута не была.

При таких условиях ответчик, согласившийся принять от аффилированного с ним должника исполнение без учета принципов очередности и пропорциональности, не мог быть признан добросовестным участником соответствующих сделок, которые, в свою очередь, не подлежали квалификации в качестве совершенных в процессе обычной хозяйственной деятельности.

В такой ситуации установленные судами нижестоящих инстанций обстоятельства создавали условия для недействительности совершенных в пределах предусмотренного ст. 61³ Закона о банкротстве срока платежей.

14. Заключенная должником сделка по отчуждению имущества не может быть признана совершенной с целью причинения вреда кредиторам, если имеются доказательства добросовестной цели ее заключения.

В деле о банкротстве гражданина финансовый управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительным на основании положений ст. 61² Закона о банкротстве заключенного должником договора дарения 1/2 доли в праве собственности на квартиру в пользу ответчика, а также о применении последствий недействительности сделки.

Судом первой инстанции, определение которого оставлено без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

Суд округа, отменяя судебные акты судов нижестоящих инстанций, направил обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав, что судами не исследованы все имеющие для разрешения дела обстоятельства, в том числе существование на момент заключения спорного договора дарения неисполненных обязательств перед кредиторами.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановление суда округа и оставляя в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, указала следующее.

При оспаривании сделки в интересах кредиторов в деле о банкротстве на основании п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве должно быть установлено в том числе, что сделка совершена должником с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов, а другая сторона сделки знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

Бремя доказывания названных обстоятельств при оспаривании сделки по общему правилу возлагается на заявителя. В делах о банкротстве основанием к изменению лица, несущего бремя представления доказательств в подтверждение или опровержение какого-либо факта, может являться признак аффилированности или заинтересованности сторон сделки по отношению друг к другу.

В настоящем деле судами установлено, что должник и ответчик являлись двоюродными сестрами. Однако само по себе родство двоюродных сестер, тем более проживающих отдельно, не создает достаточных признаков осведомленности ответчика о финансовых обязательствах (срочных или просроченных) должника и не подтверждает цели скрыть имущество от притязаний кредиторов.

При этом судами установлено также, что доли в спорной квартире получены должником и ответчиком в порядке наследования в силу закона после смерти их общей бабушки, проживавшей в квартире. При этом более 10 лет до этого ответчик проживала в той же квартире, осуществляла уход за нетрудоспособной бабушкой. В течение месяца после получения должником, не проживавшим в квартире, свидетельства о праве на наследство им в пользу ответчика заключен оспариваемый договор дарения доли. Такие обстоятельства надлежащим образом объясняли цель заключения договора дарения, не связанную с намерением причинения вреда имущественным интересам кредиторов должника.

Ввиду отсутствия со стороны ответчика недобросовестных намерений при заключении оспариваемой сделки постановление суда округа отменено, судебные акты судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

15. Заключенный арбитражным управляющим в отношении имущества должника договор может быть признан недействительным не только в связи с нарушением правил проведения торгов, но и в связи с несоблюдением иных требований закона, в том числе ввиду продажи общего имущества многоквартирного дома как самостоятельного объекта.

В деле о банкротстве гражданина общество, с которым по результатам торгов подписан договор купли-продажи в отношении принадлежавшего должнику недвижимого имущества, обратилось в суд с заявлением об оспаривании торгов и заключенного по их результатам договора. Общество указало, что финансовым управляющим должника на торги выставлена квартира, однако в действительности выставленный на торги предмет квартирой не является.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции и округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды отметили, что общество является профессиональным участником отношений, касающихся приобретения недвижимости на торгах, систематически в них участвует, тогда как в публикации о торгах содержалось указание на возможность ознакомления участников с дополнительной информацией о продаваемом имуществе и самим имуществом путем обращения к финансовому управляющему.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по обособленному спору судебные акты и направляя его на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указала следующее.

Недействительность договора, заключенного по результатам торгов, может быть связана не только с нарушением самих правил их проведе-

ния, но и с иными нарушениями требований закона. Общество в заявлении, поданном в суд первой инстанции, ссылалось на то, что реализованное помещение, по сути, является частью инженерных систем здания и относится к общедомовому имуществу, так как только через него возможен доступ к вентиляционным системам притока воздуха в лифтовых шахтах при пожаре и вентиляционным системам дымоудаления из лифтовых холлов и межквартирных коридоров дома при пожаре.

Пунктом 2 ст. 37 ЖК РФ и п. 2 ст. 290 ГК РФ предусмотрено, что доля в праве собственности на общее имущество в многоквартирном доме следует судьбе права собственности на расположенное в нем жилое помещение. Эта доля лишена самостоятельной, отдельной от права собственности на квартиру оборотоспособности. Сделка по продаже общего имущества многоквартирного дома как самостоятельного объекта ничтожна на основании п. 2 ст. 168, ст. 290 ГК РФ, поскольку она противоречит закону и посягает на права и охраняемые законом интересы третьих лиц — всех собственников помещений дома.

Однако в этой части доводы общества также не были оценены судами первой и апелляционной инстанций, судом округа ошибки не были исправлены, в связи с чем судебные акты по обособленному спору были отменены, а сам обособленный спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

16. К субсидиарной ответственности по обязательствам должника может быть привлечен конкурсный кредитор, осуществлявший контроль над действиями должника и причинивший своими действиями вред интересам других кредиторов.

В деле о банкротстве юридического лица конкурсные кредиторы должника обратились в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника нескольких физических и юридических лиц, в том числе банка.

Судом первой инстанции заявление удовлетворено частично, к субсидиарной ответственности привлечены банк и бывший генеральный директор должника.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом округа, в удовлетворении заявления отказано в полном объеме. Суды среди прочего исходили из того, что банк не принимал каких-либо конкретных решений, повлиявших на деятельность должника.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты суда апелляционной инстанции и суда округа в части отказа в привлечении к субсидиарной ответственности банка и бывшего генерального директора должника и оставляя в этой части в силе определение суда первой инстан-

ции о привлечении их к ответственности, указала следующее.

В результате заключения соглашения между бывшим владельцем должника и банком последний получил полный административный (управленческий) контроль над должником, в частности посредством назначения в качестве руководителей должника контролируемых им лиц (в том числе привлеченного к субсидиарной ответственности бывшего генерального директора должника). Под руководством таких контролируемых банком лиц реализованы мероприятия, повлекшие необратимые негативные финансовые последствия для должника.

При этом из дела следовало, что получение банком соответствующих полномочий по контролю не было обусловлено намерением обеспечить исполнение обязательства должника перед банком.

До перехода контроля над должником признаки объективного банкротства отсутствовали. Однако вывод под контролем банка прибыли от реализации продукции должника повлек за собой возникновение задолженности перед уполномоченным органом, а прекращение исполнения обязательств перед иными независимыми кредитными организациями — одновременное предъявление ими требований о досрочном возврате предоставленных кредитных средств. Эти и иные действия привели к разрыву всех устойчиво действующих партнерских связей, утрате возможности продолжения самостоятельной производственной деятельности и стали причиной банкротства должника. При этом осуществление таких вредоносных действий производилось под контролем банка бывшим генеральным директором должника.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции пришел к правомерному выводу о привлечении банка и бывшего генерального директора должника к субсидиарной ответственности на основании ст. 61¹¹ Закона о банкротстве.

17. Если основание для субсидиарной ответственности возникло в связи с деятельностью должника до возбуждения в отношении него дела о банкротстве, требование о привлечении его к ответственности не является текущим.

В деле о банкротстве гражданина рассмотрено заявление организации в лице ее конкурсного управляющего о разрешении разногласий с финансовым управляющим должника об определении очередности погашения обязательства должника в виде его субсидиарной ответственности по долгам организации, взысканной с применением презумпции, установленной в подп. 2 п. 2 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве. Конкурсный управляющий организации полагал, что, поскольку на дату вынесения в деле о банкротстве организации судебного акта о привлечении должника к субсидиарной ответственности дело о банкротстве должника уже было воз-

буждено, это требование является текущим в соответствии с п. 1 ст. 5 Закона о банкротстве.

Суд первой инстанции, определение которого оставлено без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, установил, что вред организации причинен вследствие бездействия должника, имевшего место до возбуждения дела о его банкротстве, поэтому квалифицировал примененную к должнику ответственность как реестровую для него требование, отказав на этом основании в удовлетворении заявления конкурсного управляющего.

Суд округа судебные акты нижестоящих инстанций отменил, разрешил разногласия в пользу конкурсного управляющего организации, признав требование об ответственности должника текущим требованием.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановление суда округа и оставляя в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, указала следующее.

Согласно п. 1 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве контролирующее лицо несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника, если вследствие действий (бездействия) такого лица стало невозможным полное погашение требований кредиторов должника. В силу подп. 2 п. 2 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве отсутствие обязательных для ведения (составления) и хранения документов учета (отчетности) или ненадлежащее отображение в них информации, существенно затрудняющие проведение применяемых в деле о банкротстве процедур, является следствием ненадлежащей деятельности контролирующего лица и отнесено к одному из обстоятельств, предполагающих наступление невозможности полного погашения требований кредиторов.

Таким образом, субсидиарная ответственность применяется в отношении контролирующего лица за неправомерные действия по доведению подконтрольного лица до банкротства, за причинение вреда имущественным интересам кредиторов подконтрольного лица. В то же время сама по себе непередача необходимых для ведения процедур банкротства документов выступает лишь в качестве подтверждения факта допущенных контролирующим лицом нарушений, состоявшихся в большинстве случаев значительно ранее.

При этом к субсидиарной ответственности наряду с законодательством о банкротстве и в не противоречащей ему части подлежат применению общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и обязательствах вследствие причинения вреда. По правилам ст.ст. 15, 1064 ГК РФ ответственность за вред наступает за факт его причинения.

Соответственно, при квалификации требования к контролирующему лицу в качестве текущего платежа или в качестве подлежащего включению в реестр требования необходимо

исходить из момента причинения контролирующим лицом вреда, а не момента присуждения его к гражданско-правовой ответственности.

В данном деле финансовый управляющий должника указывал, что организация перестала исполнять свои обязательства в период до возбуждения дела о банкротстве должника. Следовательно, вред организации, предопределивший ее неплатежеспособность и возбуждение дела о банкротстве, был причинен должником не позднее возбуждения дела о банкротстве самого должника. Поскольку основание для субсидиарной ответственности возникло в связи с деятельностью должника до возбуждения в отношении него дела о банкротстве, требование о привлечении его к ответственности не является текущим.

Исходя из того, что суд округа не учел характер спорного требования, основания и обстоятельства причинения вреда, постановление этого суда было отменено, судебные акты судов первой и апелляционной инстанций оставлены в силе.

18. При подаче заявления о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего лица, в отношении которого уже введена процедура банкротства, арбитражный управляющий подконтрольного лица должен обратиться с заявлением о включении такого требования в реестр в деле о банкротстве контролирующего лица в пределах установленного ст. 142 Закона о банкротстве срока.

В деле о банкротстве должника кредитор обратился с заявлением о включении в третью очередь реестра требования, основанного на субсидиарной ответственности должника по долгам организации и приобретенного кредитором. При этом кредитором заявлено ходатайство о восстановлении срока предъявления требования к включению в реестр на основании абз. 3 п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве.

Судами всех инстанций ходатайство о восстановлении указанного срока признано обоснованным, срок восстановлен, в связи с чем требование кредитора включено в третью очередь реестра требований кредиторов. При этом судами отмечено, что дело о банкротстве должника возбуждено раньше дела о банкротстве организации, реестр требований к должнику был уже закрыт, что лишало его конкурсного кредитора обратиться с заявлением о привлечении должника к субсидиарной ответственности. Заинтересованные лица были объективно лишены возможности обратиться за включением такого требования в реестр в установленный ст. 142 Закона о банкротстве двухмесячный срок.

Обратившийся в Верховный Суд РФ с кассационной жалобой финансовый управляющий должника не возражал против обоснованности самого требования, однако полагал ходатайство

о восстановлении срока не подлежащим удовлетворению.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты по делу и отказывая в удовлетворении ходатайства о восстановлении срока предъявления требования, включая требования в очередь, установленную п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве, указала следующее.

Порядок и условия привлечения к субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве, а также порядок рассмотрения заявлений о привлечении указанных лиц к субсидиарной ответственности регулируются главой III² Закона о банкротстве. Согласно п. 1 ст. 61¹⁶ Закона о банкротстве указанные заявления подлежат рассмотрению арбитражным судом в рамках дела о банкротстве должника, за исключением случаев, предусмотренных Законом о банкротстве.

По смыслу п. 2 ст. 61¹⁶ Закона о банкротстве заявление о привлечении к субсидиарной ответственности должно содержать сведения, позволяющие с минимально необходимой степенью достоверности сделать обоснованное предположение о том, что ответчик, указанный в заявлении, является или являлся контролирующим должника лицом.

В данном случае у конкурсного управляющего организацией отсутствовала неопределенность как в отношении оснований для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, так и в отношении личности привлекаемого к ответственности субъекта.

Согласно абз. 1 и 2 п. 6 ст. 61¹⁶ Закона о банкротстве, если в отношении лица, привлекаемого к ответственности, также возбуждено дело о банкротстве, вопрос о привлечении к ответственности такого лица не может быть рассмотрен (передан на рассмотрение) в деле о его банкротстве. При этом лица, участвующие в деле о банкротстве контролирующего должника лица, вправе участвовать в деле о банкротстве, в котором рассматривается вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности, в качестве третьих лиц на стороне лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности.

Соответственно, абз. 3 п. 6 ст. 61¹⁶ Закона о банкротстве на арбитражного управляющего в деле о банкротстве контролируемого лица возлагается обязанность в течение установленного п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве срока (2 месяца) от имени контролируемого лица предъявить в деле о банкротстве контролирующего должника лица требование, основанное на заявлении о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

При установлении в деле о банкротстве контролирующего должника лица требования о возмещении им вреда в порядке субсидиарной ответственности названный двухмесячный срок начинает течь не ранее начала течения срока ис-

ковой давности по заявлению о привлечении такого контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

Следовательно, в данном деле конкурсный управляющий организации обязан был не позднее двух месяцев с даты подачи конкурсным кредитором организации заявления о привлечении контролирующего лица (должника в настоящем деле) к субсидиарной ответственности предъявить основанное на таком заявлении требование о включении в реестр требований кредиторов в деле о банкротстве должника. Между тем соответствующее заявление подано значительно позже, т.е. по истечении установленного п. 6 ст. 61¹⁶ Закона о банкротстве срока.

Ссылку кредитора на то, что главным основанием для включения требования о привлечении должника к субсидиарной ответственности по долгам организации в реестр требований кредиторов должника являлось определение суда в деле о банкротстве организации о привлечении к субсидиарной ответственности, Судебная коллегия сочла ошибочной.

Согласно абз. 3 п. 6 ст. 61¹⁶ Закона о банкротстве основанием для подачи соответствующего требования является заявление о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности, а не судебный акт в деле о банкротстве контролируемого лица об удовлетворении этого требования.

Таким образом, у судов отсутствовали предусмотренные законом основания для удовлетворения заявления о восстановлении срока и включения требования в третью очередь реестра требований кредиторов.

Участие арбитражного управляющего в деле о банкротстве

19. По результатам оценки действий арбитражного управляющего в обособленном споре об установлении ему вознаграждения суд может уменьшить размер вознаграждения и в отсутствие ранее принятого судебного акта о признании действий управляющего незаконными.

В деле о банкротстве юридического лица, прекращенном в ходе процедуры наблюдения, временный управляющий должника обратился в суд с заявлением об установлении ему вознаграждения.

Суд первой инстанции, определение которого оставлено без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требование удовлетворил частично, снизив размер вознаграждения временного управляющего в связи с тем, что им не были предприняты действия, направленные на достижение целей процедуры банкротства.

Отменяя судебные акты по обособленному спору и удовлетворяя требование временного управляющего в полном объеме, суд округа исходил из того, что в деле отсутствуют судебные акты, которыми действия (бездействие) вре-

менного управляющего были бы признаны незаконными, а сторонами не доказано наличие обстоятельств, влекущих снижение размера вознаграждения управляющего.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановление суда округа и оставляя в силе судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, указала следующее.

С учетом того, что правовая природа вознаграждения арбитражного управляющего (временного, административного, внешнего, конкурсного либо финансового управляющего) носит частноправовой встречный характер (п. 1 ст. 328 ГК РФ), применительно к абз. 3 п. 1 ст. 723 и ст. 783 ГК РФ, если арбитражный управляющий ненадлежащим образом исполнял свои обязанности, размер причитающихся ему фиксированной суммы вознаграждения и процентов по вознаграждению может быть соразмерно уменьшен. Бремя доказывания ненадлежащего исполнения управляющим своих обязанностей лежит на лице, ссылающемся на такое обстоятельство.

При рассмотрении вопроса о снижении размера вознаграждения арбитражного управляющего суд учитывает, в частности, имелись ли случаи признания судом незаконными действий этого управляющего, или необоснованными понесенных им за счет должника расходов, или недействительными совершенных им сделок, причинил ли он убытки должнику, а также имелись ли периоды, когда управляющий фактически уклонялся от осуществления своих полномочий. Исчерпывающего перечня оснований, влекущих возможность снижения размера вознаграждения арбитражного управляющего, законодательно не установлено, данный вопрос является предметом судебного усмотрения, разрешаемого исходя из фактических обстоятельств спора и представленных сторонами доказательств. При этом отдельного судебного акта о признании незаконными действий (бездействия) арбитражного управляющего для указанного вывода не требуется.

20. С арбитражного управляющего подлежат взысканию только те убытки, которые явились следствием его определенных неправомерных действий (бездействия).

В деле о банкротстве юридического лица конкурсный кредитор обратился в суд с заявлением о взыскании с арбитражного управляющего убытков, вызванных ненадлежащим формированием конкурсной массы должника (невзыскание дебиторской задолженности путем обращения с заявлениями о включении требования должника в реестр требований в делах о банкротстве дебиторов).

Суд первой инстанции требование кредитора удовлетворил частично, основываясь на определенной экспертом рыночной стоимости спорной дебиторской задолженности. Суд апел-

ляционной инстанции определение отменил, в удовлетворении требований отказал. Суд округа, отменив постановление суда апелляционной инстанции, оставил в силе определение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты суда первой инстанции и суда округа и оставляя в силе постановление суда апелляционной инстанции, указала следующее.

Закон о банкротстве возлагает на арбитражного управляющего обязанность по взысканию дебиторской задолженности. В то же время деятельность управляющего должна носить разумный характер, не допускающий совершения формальных действий, влекущих неоправданное увеличение расходов на проведение банкротных процедур и прочих текущих платежей в ущерб конкурсной массе и интересам кредиторов.

Согласно абз. 1 п. 4 ст. 20⁴ Закона о банкротстве арбитражный управляющий отвечает перед должником, кредиторами и иными лицами за убытки, которые причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения управляющим в деле о банкротстве возложенных на него обязанностей. При этом лицо, требующее возмещения убытков, должно обосновать с разумной степенью достоверности наличие причинно-следственной связи между противоправными действиями (бездействием) арбитражного управляющего и возникшими убытками.

Применительно к настоящему делу убытки с арбитражного управляющего могли быть взысканы только в случае, если имелись основания полагать, что принятые им своевременные меры по истребованию дебиторской задолженности посредством предъявления исполнительного листа к исполнению или обращения с заявлением о включении требований должника в реестр в рамках дел о банкротстве дебиторов повлекли бы высокую вероятность погашения этих требований за счет имущества (конкурсной массы) дебиторов.

С учетом представленных сведений о финансовом состоянии дебиторов, установленных в их делах о банкротстве, судом апелляционной инстанции обоснованно принято во внимание указание арбитражного управляющего на отсутствие реальной возможности поступления денежных средств в конкурсную массу должника.

В связи с этим подача заявлений о включении требований должника в реестр требований в делах о банкротстве дебиторов привела бы к необоснованному затягиванию процедуры банкротства должника и увеличению текущих расходов, что могло нарушить права и законные интересы кредиторов должника.

Таким образом, бездействие арбитражного управляющего не привело к возникновению убытков, в связи с чем постановление суда апелляционной инстанции оставлено в силе.

В другом деле о банкротстве юридического лица — застройщика, отменяя судебные акты об

удовлетворении заявления действующего конкурсного управляющего о взыскании убытков с бывшего конкурсного управляющего и отказывая в удовлетворении заявленного требования, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ указала, что у конкурсного управляющего должника отсутствует обязанность обжаловать каждый судебный акт, принятый не в пользу должника. Участвующими в деле лицами не отрицалось, что требуемые от управляющего действия по обжалованию судебных актов, принятых в связанных с должником гражданских делах, в случае их совершения не способствовали бы сохранности имущества должника, но необоснованно увеличили бы расходы на проведение процедуры банкротства.

21. Сроки исковой давности по требованию о взыскании убытков с арбитражного управляющего и по требованию о признании его действий (бездействия) незаконными по общему правилу начинают течь одновременно.

В деле о банкротстве юридического лица по жалобе конкурсного кредитора признаны неправомерными действия конкурсного управляющего должника. Впоследствии другой конкурсный кредитор обратился в суд с заявлением о взыскании с конкурсного управляющего убытков по двум эпизодам.

Суд первой инстанции взыскал с управляющего убытки по первому эпизоду, отказав в остальной части требований в связи с истечением срока исковой давности.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда округа, определение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении требования кредитора отменено, требование удовлетворено в полном объеме. Суды исходили из соблюдения конкурсным кредитором срока исковой давности, поскольку взыскание убытков является продолжением процесса по жалобе на действия управляющего, а жалоба была подана с соблюдением срока.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по обособленному спору судебные акты и направляя спор на новое рассмотрение, указала следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 60 Закона о банкротстве лица, участвующие в деле о банкротстве, для защиты нарушенных прав и законных интересов вправе подать жалобу, если они полагают, что арбитражный управляющий не исполняет или ненадлежащим образом исполняет возложенные на него обязанности. Кроме того, за неправомерное поведение арбитражного управляющего в форме действия или бездействия в процедуре банкротства должника, которые повлекли убытки для кредиторов, управляющий подлежит привлечению к ответственности в виде возмещения убытков (п. 4 ст. 20⁴ Закона о банкротстве).

Как для обжалования действий арбитражного управляющего, так и для заявления требований о взыскании с него убытков установлен общий трехлетний срок исковой давности, который начинается течь по общим правилам, т.е. со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

При разрешении вопроса о том, когда истец (заявитель) узнал либо должен был узнать о нарушении своего права, следует исходить из существа искового требования и фактических обстоятельств, на которых оно основано. Как правило, основанием для заявления требований о взыскании убытков с арбитражного управляющего служат те же фактические обстоятельства, что и для обжалования в суде действий (бездействия) арбитражного управляющего.

При этом под осведомленностью о нарушении права понимается субъективное реальное или потенциальное знание потерпевшего о совокупности признаков деликта как сложного юридического состава, основанное на его собственном понимании произошедших событий.

В данном случае сам факт возбуждения заявителем судебного процесса о восстановлении нарушенного права указывал на то, что он знал обо всех обстоятельствах спора значительно раньше. С учетом изложенного судебные акты судов нижестоящих инстанций были отменены, обособленный спор направлен на новое рассмотрение.

22. Действия арбитражного управляющего предполагаются правомерными, если условия заключенного им договора аренды заложенного имущества согласованы с залогодержателем, а злоупотребления при выдаче согласия отсутствовали.

В деле о банкротстве юридического лица участники должника обратились в суд с заявлением о признании недействительными договоров аренды, заключенных конкурсным управляющим в отношении имущества должника, о признании незаконными действий управляющего и об отстранении управляющего от исполнения обязанностей. Основанием для таких требований заявители указали заключение конкурсным управляющим невыгодных для должника договоров аренды, оказание предпочтения при выборе арендатора.

Судом первой инстанции в удовлетворении требований отказано.

Суд апелляционной инстанции, постановление которого оставлено без изменения судом округа, определение суда первой инстанции отменил и требования удовлетворил, указав, что исходя из результатов проведенной экспертизы согласованный размер арендной платы установлен ниже среднерыночного.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановления судов апелляционной инстанции и округа и

оставляя в силе определение суда первой инстанции, указала следующее.

Мероприятия по формированию и реализации конкурсной массы должника для проведения расчетов с кредиторами выполняются конкурсным управляющим, который осуществляет полномочия руководителя должника и иных органов управления (ст. 129 Закона о банкротстве) и обязан действовать в интересах должника и его кредиторов добросовестно и разумно (п. 4 ст. 20³ Закона о банкротстве).

Эксплуатация принадлежащего должнику имущества после открытия конкурсного производства допускается по общему правилу в той мере, в которой это необходимо для сохранности имущества, в том числе заложенного, и подготовки имущества к отчуждению посредством проведения торгов. Закон о банкротстве не устанавливает в качестве цели конкурсного производства извлечение максимальной прибыли от использования имущества должника.

Когда в ходе процедуры банкротства возникает объективная необходимость передачи заложенного имущества должника в аренду, управляющий, если иное не предусмотрено федеральным законом или договором залога, обязан получить согласие залогового кредитора на заключение договора аренды с конкретным лицом после проведения им процедуры отбора арендатора (п. 4 ст. 18¹ Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае управляющим было согласовано с залогодержателем заключение договора аренды, при этом все прочие кандидатуры арендаторов залоговым кредитором отклонены. Судами не установлено признаков злоупотребления правом со стороны залогового кредитора при решении вопроса о согласовании условий аренды и при выборе арендатора. Поскольку иное не доказано сторонами, конкурсный управляющий в таких условиях действовал в полном соответствии с требованиями Закона о банкротстве.

С учетом изложенного у судов апелляционной инстанции и округа не было оснований для признания договоров аренды недействительными, а действий конкурсного управляющего незаконными.

23. При отсутствии у должника средств на финансирование процедур банкротства арбитражный управляющий может взыскать недостающие средства как с заявителя по делу о банкротстве, так и с учредителя (участника) должника.

В деле о банкротстве юридического лица бывший конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о взыскании с ответчика, являющегося заявителем по делу о банкротстве и одновременно участником должника, непогашенной суммы фиксированного вознаграждения арбитражного управляющего и судебных расходов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением су-

дов апелляционной инстанции и округа, в удовлетворении требования отказано. Суды исходили из того, что арбитражный управляющий вышел за пределы установленного Законом о банкротстве лимита расходов, которые можно было бы взыскать с заявителя по делу о банкротстве.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты по обособленному спору и направляя его на новое рассмотрение, указала следующее.

Обязанность погасить вознаграждение и расходы арбитражного управляющего основана на наличии у лица определенного статуса (должник, заявитель по делу, участник должника). При отсутствии у должника средств, достаточных для финансирования процедур банкротства, необходимые расходы могут быть отнесены как на заявителя по делу (ст. 59 Закона о банкротстве), так и на учредителей (участников) должника (п. 2 ст. 62 ГК РФ). Наличие у лица статуса кредитора — заявителя по делу не исключает возможности предъявления к нему тех же требований, но возникающих из иного основания — участия в уставном капитале должника. Разрешая спор, суд обязан исследовать каждое из оснований в отдельности.

Отказывая в удовлетворении требований к ответчику, суды исходили из того, что им как заявителем по делу исполнена обязанность финансирования процедуры в пределах определенного законом лимита. Однако судебные акты не содержат каких-либо выводов о наличии или отсутствии оснований для удовлетворения требований к ответчику как к одному из участников должника, чья обязанность по погашению таких требований подобным лимитом не ограничена.

Для установления таких оснований обособленный спор направлен на новое рассмотрение.

Процессуальные и иные вопросы

24. Дело о банкротстве гражданина может быть возбуждено по заявлению кредитора без подтверждающего его требование судебного акта при наличии заключенного между кредитором и должником после наступления просрочки соглашения о признании долга.

Дело о банкротстве должника возбуждено по заявлению кредитора о признании должника несостоятельным (банкротом) в связи с имеющимся требованием кредитора к должнику о возврате суммы займа.

Определением суда первой инстанции требование признано обоснованным, включено в реестр требований кредиторов, а в отношении должника введена процедура реструктуризации долгов.

Постановлениями суда апелляционной инстанции и суда округа определение суда первой инстанции отменено, во введении процедуры банкротства отказано, заявление о признании должника банкротом оставлено без рассмотре-

ния. Суды исходили из того, что в нарушение п. 1 ст. 213⁵ Закона о банкротстве на момент рассмотрения обоснованности требования кредитора отсутствовал вступивший в силу судебный акт, подтверждавший обоснованность предъявленного требования.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановления суда апелляционной инстанции и суда округа и оставляя в силе определение суда первой инстанции, указала следующее.

В соответствии с абз. 5 п. 2 ст. 213⁵ Закона о банкротстве заявление о признании гражданина банкротом может быть подано конкурсным кредитором или уполномоченным органом на основании требования, подтверждаемого документами, представленными кредитором и устанавливающими денежные обязательства, которые гражданином признаются, но не исполняются.

В силу абз. 4 и 5 п. 2 ст. 213⁶ Закона о банкротстве под спором о праве, препятствующим возбуждению кредитором процедуры банкротства должника на основании абз. 5 п. 2 ст. 213⁵ Закона о банкротстве, понимается такой спор, который на основании убедительных доводов, приводимых должником, ставит под сомнение само существование долга, тогда как одни только разногласия по расчету задолженности могут быть оценены при проверке обоснованности требования и не свидетельствуют о наличии спора о праве.

Из материалов настоящего дела следовало, что между кредитором и должником после наступления просрочки по основному долгу было подписано соглашение о признании долга, действительность которого сторонами дела не оспаривалась.

В обоснование своих возражений должник не приводил в судах первой и апелляционной инстанций ссылок на какие-либо иные споры с кредитором о праве, возбужденные до подачи кредитором заявления о банкротстве должника, равно как и доводов, ставящих под сомнение само существование долга. При таких условиях заявление кредитора о признании должника несостоятельным (банкротом) подлежало рассмотрению по существу.

Поскольку судом апелляционной инстанции допущены существенные нарушения законодательства о банкротстве, а судом округа эти нарушения не исправлены, обжалуемые судебные акты отменены с оставлением в силе определения суда первой инстанции.

25. Мировое соглашение в деле о банкротстве подлежит утверждению при установлении судом достаточной вероятности его исполнения.

В деле о банкротстве юридического лица — фармацевтического предприятия внешний управляющий обратился в суд с заявлением об утверждении мирового соглашения, одобренного решением собрания кредиторов.

Определением суда первой инстанции в утверждении мирового соглашения отказано, ре-

шением суда первой инстанции введена процедура конкурсного производства. При этом суд исходил из отсутствия надлежащего экономического обоснования проекта мирового соглашения.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда округа, определение суда первой инстанции отменено, мировое соглашение утверждено, производство по делу о банкротстве прекращено. Суд апелляционной инстанции иначе оценил обстоятельства дела и установил наличие экономической целесообразности в представленном проекте мирового соглашения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, оставляя постановления суда апелляционной инстанции и суда округа без изменения, указала следующее.

Законодательство о банкротстве основывается на принципе предпочтительного проведения реабилитационных процедур в целях наиболее полного удовлетворения требований кредиторов. Само по себе заключение мирового соглашения не гарантирует последующее безусловное достижение указанного результата, так как итог будущей хозяйственной деятельности должника зависит от многих факторов, в том числе сложнопрогнозируемых. Однако наличие таких факторов не может рассматриваться как препятствие для утверждения мирового соглашения судом (ст.ст. 158, 160 Закона о банкротстве).

Соответственно, в деле о банкротстве мировое соглашение должно быть утверждено не только когда его исполнимость находится вне всяких разумных сомнений, но и когда представленное обоснование с достаточной вероятностью подтверждает успешную реализацию мирового соглашения.

В рассмотренном деле судом апелляционной инстанции подробно исследовано экономическое обоснование исполнимости мирового соглашения. Существование материальной базы для продолжения производственной деятельности и наличие трудового коллектива, способного эту деятельность осуществлять, в деле не оспаривались.

Судами отмечалось и сторонами не подвергалось сомнению, что продукция предприятия в виде инфузионных растворов с различным фармакологическим действием входит в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов Российской Федерации, производство такой продукции необходимо признать социально значимым. Предприятие обеспечивает выпуск более 70 наименований инфузионных и инъекционных растворов при производительности 12 млн флаконов в месяц.

Суд апелляционной инстанции также отметил, что разрешение судом первой инстанции вопроса о возможности восстановления платежеспособности исключительно исходя из данных, отраженных в финансовом балансе пред-

приятия, не имеет под собой оснований. У компании, в отношении которой открыта процедура банкротства, объективно снижена конкурентоспособность вследствие осторожного отношения участников оборота к юридическим лицам в кризисном или предкризисном состоянии. Финансовые показатели такой компании могут быть заниженными и не отражать объем возможной к получению прибыли в случае успешного прохождения финансовой реабилитации.

В то же время при несущественном изменении обстоятельств, влияющем на исполнение соглашения, но не исключающем его исполнимость, стороны вправе обратиться в суд первой инстанции с заявлением о внесении в мировое соглашение соответствующих изменений, а в случае нарушений порядка исполнения мирового соглашения — с заявлением о его расторжении.

26. Кредитор, не обратившийся своевременно в суд с заявлением или ходатайством, подлежащим рассмотрению в деле о банкротстве должника, не вправе в дальнейшем требовать пересмотра итогов процедуры банкротства между теми лицами и в отношении того имущества, которые были задействованы в такой процедуре.

Истец обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с ответчика неосновательного обогащения, в обоснование иска привел следующие обстоятельства.

Организация-должник предоставила свое недвижимое имущество в залог по собственным кредитным обязательствам и по долгу третьего лица. В дальнейшем в отношении должника возбуждено дело о банкротстве, открыто конкурсное производство.

Требование по кредитному договору, заключенному с должником, включено в третью очередь реестра требований кредиторов как обеспеченное залогом. Предмет залога реализован, вырученная сумма перечислена правопреемнику ответчика.

Ко включению в реестр также было заявлено требование к должнику, вытекающее из его обеспечительных обязательств в отношении долга третьего лица. Однако в признании за кредитором, правопреемником истца, по такому требованию статуса залогового было отказано.

Истец ссылаясь на то, что залог по собственным кредитным обязательствам должника являлся последующим по отношению к залому, предоставленному должником в качестве третьего лица, а потому правопреемник ответчика неправомерно получил преимущественное удовлетворение, в связи с чем истец обратился с иском о взыскании неосновательного обогащения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя постановления судов апелляционной инстанции и округа и оставляя в силе решение суда первой инстан-

ции, которым в удовлетворении исковых требований было отказано, указала следующее.

Основной целью процедуры конкурсного производства является, в условиях недостаточности имущества должника, соразмерное удовлетворение требований кредиторов, исключаящее необоснованный приоритет одних кредиторов перед другими. Для этих целей Законом о банкротстве установлены правила формирования и реализации конкурсной массы должника, а также правила удовлетворения требований кредиторов за счет вырученных денежных средств на основе принципов очередности и пропорциональности (пп. 2 и 3 ст. 142 Закона о банкротстве). Вызванная такими обстоятельствами значительная конфликтность процедур банкротства требует повышения процессуальной эффективности деятельности суда при рассмотрении споров с участием должника, признанного банкротом.

Законодательство о банкротстве, стремясь к тому же обеспечить соблюдение разумных сроков рассмотрения дела (ст. 6¹ АПК РФ), повышает эффективность судебной деятельности посредством усиления процессуальной концентрации через передачу на рассмотрение в рамках одного дела о банкротстве всех имущественных споров, относящихся к материальным правоотношениям, в которых задействованы должник и его ликвидируемая имущественная масса.

Наличие указанных специальных правил предполагает, что лица, привлеченные к участию в деле о банкротстве, должны своевременно, до завершения такого дела, обратиться в рассматривающий дело суд за защитой своих прав и законных интересов, а достигнутые в результате процедуры банкротства имущественные итоги не могут быть безосновательно подвергнуты последующему пересмотру (ст. 16 АПК РФ).

В рассмотренном деле ответчик, признанный судебным актом в деле о банкротстве должника в качестве залогового кредитора, имел все основания для получения преимущественного перед незалоговыми кредиторами исполнения. В то же время истец располагал информацией обо всех обстоятельствах, изложенных в обоснование искового заявления, еще в процедуре банкротства должника. У него отсутствовали препятствия для своевременного совершения необходимых процессуальных действий в деле о банкротстве. При этом поданный иск был фактически направлен на пересмотр итогов процедуры банкротства между теми же лицами и в отношении того же имущества, которые были задействованы в процедуре банкротства.

При таких условиях Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что в удовлетворении искового заявления надлежало отказать.

Дополнительная информация

Из Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2017), утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г., исключается разъяснение по вопросу 2 раздела разъяснений по вопросам, возникающим в судебной практике.

Из Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г., исключается пункт № 57.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
29 апреля 2026 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Давыдов В.А. (главный редактор), Борисова Е.Е., Воронов А.В.,
Глазов Ю.В., Зателепин О.К., Крупнов И.В., Нефедов О.Н.,
Пчелинцева Л.М., Тимошин Н.В., Фаргиев И.А.,
Хаменков В.Б., Хомчик В.В.

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Подписано в печать 31.07.2026. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 6,18. Тираж 3255 экз. Заказ 52-2026.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
